

Санкт-Петербург Интеллигент

Международная литературно-публицистическая газета. №3 (3) Лето-Осень 2012 г. <http://provintelligent.ru>, spb-intelligent.web.officelive.com

Газета выходит один раз в месяц. Контакты для участия и сотрудничества, E-mail: spb.intelligent@gmail.com, provint.pashckov@yandex.ru

СТОЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ: Россия вверх ногами

Буду жить я вверх ногами
и не думать ни о чем
(А. Городницкий)

Этот номер необычен. Он посвящён 100-летию юбилею русской литературы. И даже не просто юбилею одной страны – а юбилею целого материка. В 2012 году мы решили отметить 100-летие русской литературы в Австралии.

Конечно, когда заходит речь о таких больших событиях, точку отсчёта найти трудно – и она, несомненно, не будет бесспорной. Вполне возможно, что где-то в XIX веке какой-нибудь русский поселенец написал задушевную песню о выжженной красной земле и вечнозелёных эвкалиптах – да она сгинула вместе со своим автором, или же до сих пор пылится где-нибудь в забытых частных архивах и ждёт своего часа. Но зато у нас есть одна абсолютно бесспорная дата: в 1912 году знаменитый русский поэт Константин Бальмонт ступил на почву пятого материка. И родились первые дошедшие до нас поэтические строки, написанные на русском языке в Австралии. Впрочем, об этом позже.

А пока хочется поблагодарить тех людей, без которых этого номера бы не было: Евгения Витковского, подсказавшему несколько значительных авторов, работавших на пятом континенте, Татьяну Бонч-Осмоловскую и Нору Крук, проверивших историческую статью и сделавших ряд важных дополнений и замечаний, Владимиру Кузьмину (главному редактору газеты «Единение») и редколлегии издательства «Австралиада», помогших отыскать тексты ряда ушедших авторов, и, наконец, Наталье Грачёвой-Мельниковой, автору обширной библиографии русских публикаций в Австралии 1912-1997гг.

А всех «живущих вверх ногами» – с юбилеем!

Русская литература Австралии

Там в Австралии вашей, наверно, жара
и лафа – не опишешь пером.

Эти слова Булата Окуджавы очень точно характеризуют представление об Австралии людей, никогда не бывавших на «пятом континенте»: далёкая страна, где жарко и много диких кенгуру. Добавим к этому ещё общее чувство «сказочности»: об этом «тридевятиом царстве» можно рассказывать всё, что заблагорассудится, ведь почти никто не заглянет туда с оказией, проверить, так ли всё это. Наверное, не случайно Александр Галич поместил Фрези Грант, вопреки гриновскому оригиналу, на корабль из Австралии, а не из американского Бостона:

И корабль этот вёл из Австралии
Капитан Александр Грант.

Но помимо этой «сказочной» традиции существует и другой пласт описаний «пятого континента»: литература, созданная писателями, побывавшими здесь из любопытства или вынесенными на сухую почву страны антиподов волной очередных катаклизмов на родине. Именно этому пласту и посвящена данная статья, отвечая на уже не раз слышанный возглас: «Где она, русская литература Австралии?»

Знакомство России с «пятым континентом» продолжается уже более двухсот лет: первым русским подданным, поселившимся в Австралии на постоянной основе, считается житель Белоруссии Джон Потоцкий, прибывший в город Хобарт (штат Тасмания) на каторжные работы в 1804 году. А три года спустя шлюп «Нева» совершил первый в истории визит русского военного корабля в Австралию. На берега страны антиподов высаживались беглые русские матросы, русские евреи успешно осваивали здесь золотые прииски, о русской колонии на «пятом континенте» мечтал Н.Н. Миклухо-Маклай, проживший в городе Сиднее несколько лет. Но прошло более века с визита «Невы», прежде чем первый признанный русский поэт ступил на землю Австралии.

«Этот город (Хобарт – ред.), бывшее место каторги, произвел на меня самое мучительное впечатление. Не знаю, почему», – пишет в 1912 году один наш великий соотечественник. И продолжает в том же духе: «На трам и пешком, вчера и сегодня, исследовал чуть ли не весь Мельбурн. Чудовищно-огромный, безжизненный город. Жители – какая-то английская помесь 3-го сорта. Хороша лишь бухта огромная... Я невольно задержался в Аделаиде и тоскую... Осчастливленный находкой утешенного багажа, отбыл и прибыл в Сидней, очаровательный город, разбросанный над огромной горной бухтой... И люди здесь приятнее.

К.Д. Бальмонт и
Е.К. Цветковская.
Конец 1930-х годов.

Но ненависть к англичанам у меня укрепилась безвозвратно. Я не мог бы жить в Англии. Эта тупость их возмутительна. Они ничего не понимают и не чувствуют».

Русский поэт К.Д. Бальмонт посетил далёкую страну антиподов во время одной из своих длительных экспедиций. На этот раз странствия провёл Константин Дмитриевич от Лондона до побережья Южной Африки и далее – к берегам Австралии. Однако земля пятого континента, как видно из записок, оставила горький осадок в душе поэта. Это же чувство звучит в стихотворении «Чёрный лебедь»:

Нет Австралии тех детских наших дней,
Вся сгорела между дымов и огней.

Особенно обескуражило Бальмонта плачевное положение аборигенов: в Австралии он видел «лишь горсть чёрных жемчужин, лишь малую малость уцелевших Чёрных туземцев. Чтобы увидеть их снова, нужно, порвав линию движения на Юг, подняться к Северу, посетив Новую Гвинею, Соломоновых островов, острова Фиджи». Именно туда и отправился Константин Дмитриевич, навсегда оставив берега «пятого континента».

Также недолго пробыл здесь и другой русский «поэт-странник»: предполагается, что в 1923 году в Австралии работал Степан Петров, писавший под псевдонимом «Скиталец». Соратник Горького, участник революционного движения, плодовитый автор реалистической прозы, он остался в русской литературе, прежде всего, как автор самого раннего варианта слов знаменитой песни «На сопках Маньчжурии»:

Спит гаюлян,
Сопки покрыты мглой...
На сопках Манчжурии воины спят,
И русских не слышно слёз...

В том, что за целое столетие «русского присутствия» в Австралии не появилось ни одного «местного» поэта нет ничего удивительного: в XIX и начале XX века русская община на «пятом континенте» была чрезвычайно мала. В

1914 году в Австралии было зарегистрировано всего лишь одиннадцать тысяч выходцев из Российской империи, мизерный процент от общего населения страны, насчитывавшего тогда два с половиной миллиона человек. Более того, большинство приехавших в Австралию русских изначально не принадлежало к «пишущим кругам». Прежде всего, это были экономические иммигранты, страдавшие в России от тяжёлых бытовых условий и привлечённые в Австралию надеждой найти здесь, на краю земли, своё счастье.

Первый русскоязычный печатный орган создали на «пятом континенте» политические эмигранты: в 1912 году знаменитый революционер Артём (Фёдор Андреевич Сергеев) основал в городе Брисбене издательство русской социал-демократической газеты «Эхо Австралии». Следующие два года стали периодом притока в Австралию русских революционеров, но численность новоприбывших исчислялась всего-навсего несколькими сотнями.

Новый поток беженцев, спасавшихся от очередных катаклизмов, сотрясающих отечество (на этот раз – Гражданской Войны), принёс в Австралию ещё четыре тысячи русских, из которых остаться решила только половина. И только после 1945 года на «пятом континенте» появились свои значительные литературные фигуры. Потоки русских иммигрантов в этот период шли двумя основными путями: один путь – из Европы, второй – из Китая и Дальнего Востока.

Именно с этой «послевоенной» волной эмиграции приехали из Европы на пятый континент два замечательных русских поэта, Борис Нарциссов и Константин Халафов, очутившиеся по окончании Второй Мировой войны в европейских лагерях для перемещённых лиц.

Б.А. Нарциссов, оставивший после себя шесть поэтических сборников, переводы с английского, эстонского и французского, родился в России в 1906 году, а провёл свою молодость в Эстонии, где окончил химическое отделение Тартуского университета. Начинается война, и в 1943 году офицер Нарциссов попадает в немецкий плен. Так по окончании войны Нарциссов оказывается в лагере для перемещённых лиц под Мюнхеном; путь в советскую Эстонию для человека, уцелевшего в немецком плену, закрыт. И вот в 1950 году Борис Анатольевич оказывается в Австралии. «Принято было считать, что никто не отразил в русской поэзии Австралию так глубоко, как это удалось Нарциссову» – пишет в статье о поэте литературовед Е. Витковский. И, действительно, ярко и зловеще встаёт у него в стихах чужая высохшая страна:

Этот серо-зеленый покров –
эвкалипты.
Это – икры змеиные слезней коры.
И вот так без конца.
И ты знаешь: погиб ты
Здесь, в краю эвкалиптов
и тусклой жары.

или
Над плоским, пересохшим
континентом
От моря и до моря темнота.

Продолжение на стр. 2

Продолжение. Начало на стр. 1

В этих строках Нарциссова – чувство потерянности и почти животного ужаса от осознания: ты – на краю земли и это – конец. Конец света. Не удивительно, что в 1953 году Нарциссов уезжает в США, где активно начинает заниматься литературной деятельностью и исследовательской работой. Умер Борис Анатольевич в 1982 году в Вашингтоне.

Та же волна послевоенной эмиграции принесла на «пятый континент» автора, весьма отличного от Бориса Нарциссова по духу, и, пожалуй, первого значительного русского поэта, тепло воспевавшего приютившую его Австралию:

*В небе непрозрачно-голубом
Блещут горных ясеней вершины
Матовым, чеканным серебром.
Птица Лиры кличет из долины.
Я разлёгся на скамейке длинной,
Вверх гляжу и знаю – здесь мой дом,
Здесь светло, приятно и прохладно,
Ходит по площадке шоколадной
Попугаев бодрая семья.
Снизу, где блестит среди расселин
Папоротников древесных зелень,
Слышен лепет медленный ручья.*

К. Халафов
с австралийской
птицей-лирой

Написавший эти строки К.К. Халафов покинул Россию ещё в 1920 году: примкнувший к Белому движению 17-летний юноша эвакуировался из Крыма в Константинополь вместе с остатками армии генерала Врангеля. Впрочем, из Турции Константин Халафов немедленно перебрался в Королевство Сербов, где поступил в Белградский университет. Константин Константинович, работая всю жизнь инженером, параллельно был концертующим пианистом, композитором и поэтом. В Белграде он участвовал в нескольких литературных кружках, неоднократно публиковался в русской периодике Франции и Германии.

В конце войны семья поэта оказалась в лагере для перемещенных лиц (DP). Их положение осложнялось тем, что семья жила с пожилой уже тёщей Константином Константиновича: в то время многие страны не хотели принимать людей преклонного возраста. И тогда Халафовы решаются на отъезд в Австралию.

Проживая в Мельбурне, Константин Халафов продолжал публиковать свои стихи за пределами «пятого континента», в Германии и США. В Австралии же Халафов всерьёз занялся орнитологией: «на смену поэту приходит натуралист; и этот «натуралистический интерес» приносит К.К.Халафову известность среди орнитологов, далеко вышедшую за пределы Австралии» – будет написано в некрологе Константина Константиновича.

Этот изумительный, многосторонний человек прожил в австралийском городе Мельбурне последние 20 лет своей жизни, оставив после себя статьи и filmy по орнитологии, труды по инженерному делу, музыкальные произведения – а также свежий, чистый и добрый поэтический взгляд на далёкую миру Австралию:

*У сестры твоей, у птицы,
С пышным бронзовым хвостом,
Есть где в мире приютиться,
Есть и родина, и дом.
Не завидуй: ты свободней
Птиц земных, бездомный брат,
Вся как есть – земля Господня –
Твой огромный дом и сад.*

Но основной поток послевоенной эмиграции русских в Австралию пришёл не из Европы, а с Дальнего Востока: это была так называемая «харбинская волна». В конце XIX века в Китае русские основали железнодорожную станцию Трансманчжурской магистрали, ставшую городом Харбин. В 20-е годы прошлого века в

Антология 1998 года
(издательство «Австралиада», г. Сидней)

Харбине уже насчитывалось 100-200 тысяч русских эмигрантов, на то время – самая большая русская диаспора за пределами России. Значительным было также русское население китайского Шанхая: в 30-е годы оно достигло 20 тысяч человек. Однако с японской оккупацией и последующим приходом советских войск белоэмигранты и просто люди, боящиеся репатриации в новую Россию, стали срочно покидать Китай. Через Гонконг и Филиппины многие из них добрались до Австралии, значительно увеличив русскую общину на «пятом континенте». Часто это были высокообразованные люди, сохранившие великолепный русский язык – и последствия этой «волны» 50-60хх годов не замедлили сказаться на русской литературе земли антиподов.

Именно тогда приехал в Австралию писатель-натуралист, автор многочисленных рассказов и повестей, Николай Байков, один из самых значительных прозаиков «пятого континента». Родился он в 1872 году в Киеве, окончил Киевский Кадетский корпус, учился в Тифлисе, а после служил в Заамурском округе пограничной стражи. Маньчжурия сразу пришлась по сердцу Николаю Аполлоновичу и стала главной его музой. Однако экспедицию на Дальнем Востоке прервала Первая Мировая, а потом и гражданская война. Эмигрировав из России, Байков прошёл через русские эмигрантские лагеря в Египте, Индии, Индокитае – всё для того, чтобы однажды вернуться в столь любившуюся ему Маньчжурию и посвятить себя литературной работе. В Китае Николай Аполлонович начинает активно публиковаться: у него выходит более десяти книг, очерки и рассказы Байкова охотно печатают харбинские журналы и газеты. Однако в 1956 году семья писателя была вынуждена покинуть столь любимые им края. Рассматривая австралийский ландшафт из окна поезда, Николай Аполлонович был удручен сухой и монотонной природой пятого континента. «Теперь, – писал он, – осталось вспоминать свою молодость, и жизнь, и охоту на моей второй родине, в Маньчжурии». В 1958 г. Николай Аполлонович тихо скончался в Брисбене, прожив на «пятом континенте» всего два года.

С приходом «харбинской» волны в Австралии начинают появляться литературные кружки, проводятся первые поэтические фестивали, увеличивается число русских периодических изданий – и, наконец, «русская литература Австралии» появляется на литературной карте мира.

В ноябре 1963 года в Германии журнал «Грани» печатает, то, что стало, вероятно, первой подборкой «русских австралийцев», опубликованной за пределами Австралии. В неё вошли стихи Клавдии Пестрово из Сиднея, Маргариты Дьяконовой из Хобарта, рассказ Андрея Кривицкого, а также стихи и проза Михаила Волина (Михаил Володченко, 1914 – 1997). Строки последнего, впрочем, знает наизусть любой читатель, знакомый с творчеством Александра Вертинского, ведь именно вместе с М. Волиным была написана Вертинским песня «Дорогая пропажа»:

Альманах «Витражи»
(издательство «Лукоморье», г. Мельбурн)

*Самой нежной любви наступает конец,
Бесконечной тоски обрывается пряжа...
Что мне делать с тобою, с собой, наконец,
Как тебя позабыть, дорогая пропажа?*

«Конец эпохи» для русской литературы Китая обозначил литературовед Е. Витковский: в 1976 году «последняя русская поэтесса Нора Крук, родившаяся в Харбине в 1920-м, уехала из Гонконга в Австралию». Элеонора Мариановна Крук, урождённая Кулеш, стала писать стихи с семи лет. В 1933 г. она переехала в Мукден, а позже – в Шанхай, где работала журналисткой, дружила с ведущими поэтами восточной эмиграции В. Перелешиним и Л. Андерсен, была знакома с А. Вертинским. Русские стихи Норы вошли в известный сборник «Русская поэзия Китая», публиковались в периодических изданиях России, Америки, Китая, Израйля и Австралии.

Нора Крук с поэтом
В. Перелешиним

Изысканность речи, привычка к жизни в чужой среде и почти обязательные строки о Китае – все эти черты авторов «харбинской волны» присущи и стихам Норы:

*Климат душевный тяжёл,
ограниченны дали,
Страшно, что вакуум жизни
уютен и чист.
Люди и сами смертельны
уютными стали,
Тянет в болото
безжалостный город-садист.*

Но приехав в Сидней, Нора в полный голос заявила о себе как о поэтессе Австралии, причём сразу на двух языках. Англоязычные издательства опубликовали три книги стихов Норы, а в это же время из-под её пера вышли строки на русском языке, представляющие Австралию очень внимательно, разносторонне и беспристрастно. Здесь и автобиографические стихи «Она австралийка», и тёплые зарисовки-верлибры о красоте «пятого континента»:

*Отряхнула прошедший день
Еду через Карлотту – чудо!
В джакаранды вливается синь неба
Розовые деревья стерегут
радостные дома*

Но здесь же и тревожные стихи о современной австралийской жизни:

*В этом городе изумрудном –
Бухты, пляжи, загар на лицах,
Джакаранды, спортклубы, бары,
Небоскребы и “ягуары”,
А в траве у скамеек – шприцы.*

Это уже не просто строки «харбинца», это – стихи человека, более 35 лет живущего на «пятом континенте» и считающего себя австралийкой. Русской австралийкой.

Последняя значительная «волна» эмиграции приходится на 90-е годы и связана с распадом Советского Союза. Это уже была, в основном, «экономическая» эмиграция: люди самых разных национальностей, но объединённые одним «советским прошлым».

Достаточно сложно с уверенностью сказать, сколько человек, говорящих по-русски, проживает сейчас в Австралии. С одной стороны, во время переписи 67 тысяч австралийцев заявили о своих русских корнях – но, конечно, многие из детей эмигрантов уже утратили русский язык.

С другой стороны, только из Российской Федерации на «пятый континент» прибыло более 15 тысяч человек – что, конечно, не учитывает русскоязычных эмигрантов из других республик бывшего Советского Союза.

А ведь как раз из этих «других республик» с последней волной эмиграции прибыло в Австралию несколько интересных литературных имён, в том числе уроженец Самарканда прозаик Игорь Гельбах и одесский поэт Юрий Михайлик.

Поэт
Юрий Михайлик,
Австралия

И.Е. Гельбах родился в 1943 году, окончил физический факультет Тбилисского университета. Жил в Сухуми, Риге, Москве, Ленинграде и, наконец, осел в Мельбурне. Писать Игорь Ефимович начал ещё в 60-х, но впервые был опубликован лишь в 1986-м, а в 2004 году имя Игоря Гельбаха вошло в шорт-лист Премии Андрея Белого, старейшей независимой литературной премии современной России. Три книги И. Гельбаха, опубликованные в российских издательствах – «Утеранный Блюм», «Признания глиняного человека» и «Показания Цаплина» – получили самую высокую оценку критики: как сказал писатель Андрей Битов, проза Гельбаха обращена к тем читателям, которые, несмотря ни на что, испытывают тоску по настоящей литературе. Его романы – это редкий сплав захватывающего сюжета с прекрасным, отточенным слогом:

В библиотеке, как во всяком публичном заведении, пахло человеческой усталостью, у зеленой лампы сидел лучший в стране знаток Гегеля, по профессии служебный собаковод, в буфете была кислая сметана, у каталогов болтали что-то о спецхране, на улице шёл дождь. Через полчаса они промокли, но дождь, казалось, уже кончался, в саду меж деревьями лежал туман, сзади дымно розовело здание Инженерного замка, по черным стволам деревьев, по обшлагам рукавов и по лицу текли капли дождя. Когда они вышли из сада, людей на улице почти не было, и она сказала: «Ты всегда приезжаешь на несколько дней, дни проходят быстро, и мы ничего не можем решить...»

Несколькими годами позже в Австралию приехал Юрий Михайлик, автор двенадцати книг стихов и пяти книг прозы. Родился Юрий Николаевич в 1939 году, вёл в Одессе литературную студию при Дворце Студентов, а позже – студию Круг. «Закатилось солнце русской поэзии в Одессе, чтобы взойти над Австралией» – написала одна из местных газеты об отъезде поэта. Сам же Михайлик, уезжая из родного города, написал строки, во многом характеризующие настроение его отъезда:

*Ах, как сладко выбирать –
где придется умирать.
То ли там, от ностальгии –
задыхаясь и дрожа.
То ль от здешней хирургии –
от кастета и ножа.*

К сожалению, постоянные или временные переезды русских авторов в Австралию не привели к созданию единого литературного пространства. В отличие от поэтов Нью-Йорка, уже задавших «гудзонскую ноту», видные русские литераторы «пятого континента» жили достаточно обособленно, находя каждый свою отдушину, пытаясь быть по-своему востребованными.

Так, поэтические сборники Ю. Михайлика вышли в Одессе и в Москве, он изредка публикуется в русских журналах «Октябрь» и «Новая Юность», сознательно оставаясь непрямым к изданиям и ЛИТО «пятого континента». Книги Бориса Нарциссова вышли в Америке, Германии, России. Две книги Игоря Гельбаха, изданные в Австралии, были уже благо-

разумно переведены на английский язык, а сборники стихов Норы Крук изначально творились по-английски. Казалось бы, зачем признанной англоязычной поэтессе писать на русском — да ещё и в далёкой Австралии, без особых надежд «докричаться» до читателя в России? Но русское слово просто не отпускает автора: «Да, — объяснила Нора, — английских стихов у меня больше. Но я была под большим влиянием Блока, очень люблю поэзию Инны Лисянской, люблю Ахматову. И есть моменты, когда просто хочется сказать что-то по-русски. Хочется!»

А на русском языке в Австралии продолжали выходить книги, издаваемые авторами или их родственниками: во второй половине прошлого века свет увидело более сотни таких публикаций. Иногда это были коллективные сборники: так, «Лирная пристань» объединила трёх поэтов, а вышедшая «Антология русских поэтов Австралии» — 46 авторов. Очень разные по качеству, эти книги, всё же, позволили сделать несколько интересных находок; в том числе — яростные, запоминающиеся строки Гали Плисовской о событиях 1917 года:

*В зловещем круге
Метались вьюги,
Метались вьюги по всей земле;
Умы бродили,
Умы блудили,
Скрывалась злоба в холодной мгле.*

При такой раздробленности авторов, при столь разном уровне публикуемых произведений вопрос «существует ли русская литература в Австралии» оставался открытым. Желание объединить русскоязычных авторов пятого материка послужило толчком к созданию нового литературного фестиваля — «Антиподы», основанного в 2006 году филологом и писателем Татьяной Бонч-Осмоловской.

Фестиваль этот был знаменателен не только тем, что он объединил талантливых авторов из разных уголков Австралии: о «русской литературе в Австралии» было, наконец, заявлено и в России — статьи о фестивале появились в ведущих русских периодических изданиях («Знамени», «Литературной газете» и др.). А в следующем году журнал «Дети Ра» познакомил читателей с творчеством С. Климовицкого, Е. Михайлик, Е. Чинаховой, Т. Бонч-Осмоловской, В. Власкина и В. Кабо. И хотя многие из этих авторов уже неоднократно печатались как в России, так и за её пределами, публикация в «Дети Ра», была, видимо, самой первой «австралийской» подборкой, вышедшей в России, — и второй за пределами Австралии. Последователи этого начинания не заставили себя ждать. Уже в следующем году московский журнал «День литературы» опубликовал подборку стихов четырёх авторов ЛИТО «Лукоморье» из города Мельбурн, а в этом году в литературной газете «Интеллигент» появились целых три «австралийские» подборки.

Итак «где она, русская литература Австралии?» За последнее столетия на «пятом континенте» побывало немало интересных авторов, открывших читателям Австралию, часто совершенно непохожую на тот счастливый, экзотический мирок, который грезится поэтам северного полушария. Многие из них — вольно или невольно — остались на этом материке, продолжали творить, опираясь на литературный опыт, приобретённый в Европе, России или Китае. Но есть и талантливые авторы, взявшие за перо только в Австралии — и уже получившие признание за её пределами; здесь можно говорить и о стихах Сергея Ерофеевского, и о неподражаемой прозе Ирины (Ляли) Синой, и о многих других. Возможно, начинается следующий виток литературы Австралии: с развитием средств коммуникации творческие люди, живущие на «пятом континенте», находят аудиторию, издателей и друзей далеко за его пределами. Впрочем, то же, наверное, сейчас переживают люди в любой точке земли: сейчас можно дружить не только с соседом по лестничной клетке — у каждого появилась возможность найти настоящего единомышленника, живи ты во Владивостоке, а он — в Тимбукту. Размылись границы. Нет больше отрезанного от цивилизации континента «Австралия». Есть общий мир.

*Н. Крофтс
Синой, 2012г.*

Константин Бальмонт

В Австралии: 1912г. Родился в 1867 году в деревне Гумнищи Шуйского уезда Владимирской губернии. Поэт-символист, переводчик, эссеист, один из виднейших представителей русской поэзии Серебряного века. Опубликовал 35 поэтических сборников, 20 книг прозы, переводил с многих языков. Автор автобиографической прозы, мемуаров, филологических трактатов, историко-литературных исследований и критических эссе.

Константин Дмитриевич умер в приюте «Русский дом» близ Парижа 23 декабря 1942 года.

Чёрный лебедь

Австралийский чёрный лебедь на волне,
Словно в сказке на картинке, виден мне.

Настоящий, проплывает предо мной,
Весь змеинный, весь узорный, вырезной.

И воистину влечёт мечту в игру
Настоящими прыжками кенгуру.

И в хранимом зачарованном прудке
Светят лотосы во влажном цветнике.

Голубеет эвкалипта стройный ствол,
Куст невиданной акации расцвел.

Как колибри, медосос припал к цветку,
Птица-флейта засвирила тоску.

И хохочут зимородки по ветвям,
Словно в сказке,
что сказали в детстве нам.

Только это всё лишь малый уголок, —
Громче пеняя птиц на фабрике гудок.

Нет Австралии тех детских наших дней,
Вся сгорела между дымов и огней.

Рельсы врезались во взмахи жёлтых гор,
Скован, сцеплен,
весь расчисленный, простор.

Там, где чёрные слагали
стройный пляс, —
Одинокий белоликий волопас.

Там, где быстрая играла кенгуру, —
Овцы, овцы, поутру и ввечеру.

Миллионная толпа их здесь прошла,
В холодильники замкнуты их тела.

Замороженные трупы увезут,
Овцы новые пасутся там и тут.

И от города до города всегда
Воют, копоть рассевая, поезда.

И от улицы до улицы свисток, —
Вся и музыка у белого — гудок.

Сами выбрали такой себе удел,
Что их белый лик так грязно посерел.

Обездолили весь край своей гурьбой.
Чёрный лебедь,
песнь прощальную пропой.

Пять звёзд

Я предавался чувствам в их игре,
Я знаю пятеричность увлечения.
Заря в июне светится заре,
Река с рекою рада слить течение.

Пять наших чувств
есть путь предназначенья.
И древний лист, застывший в янтаре,
Есть тайный знак высокого ученья,
Как быть бессмертным в жизненной поре.

Всей ощупью своей он жил на древе,
Дышал, светил для близкого листа,
Впивал росу, и с ветром был в напеве.

Ниспал в смолу. Застыл как красота.
Другой нам вещий знак от Духа к Деве: —
Пять звёзд блестящих Южного Креста.

На краю земли

Я на краю земли. Я далеко на юге.
Не юге разных стран, —
на юге всей земли.

Моя заря горит на предполярном круге.
В моих морях встают не часто корабли.

Мой светоч — Южный Крест.
Мой светоч — отблеск льдины.

Здесь горы ледяные —
один плавучий храм.

Но за чертой мечты —
мой помысел единый

Ведёт мой дух назад,
к моим родным полям.

И сколько бы пространств —
какая бы стихия

Ни развернула мне,
в огне или в воде, —

Плывя, я возглашу единый клич:
“Россия!”

Горя, я пропою: “Люблю тебя — везде!”

Бродяга

Бродяга я. До холодов с грозой
Плясал огнем и реял стрекозой.
И вот, бездомный, признаюсь я, грешник,
Что с завистью смотрю я на скворешник.

Когда б в такой забраться теремок
И там в тепле замкнуться на замок.
Ах, рада белка малому орешку.
Подайте пятачок мне на ночлежку.

Не искушай

Мать Матерей, родимая Земля,
Отец Земли, лазурный Океан.
Покой сознанию синим Небом дан,
И нежат мысль зеленые поля.

Я был как все. Во мне горел Огонь.
Я жил во всём. Касался до всего.
Устало сердце. Мир, не мучь его.
Я тихо сплю. Не искушай. Не тронь.

Бальмонт в Австралии: из статьи «Странствующий певец»

Впервые журнал «Вокруг света» написал о путешествии Константина Бальмонта в 1913 году. Известный поэт, неутомимый странник, еще в 1905 году побывавший в Северной и Центральной Америке, вернулся тогда из длительной, почти годовой, экспедиции. Маршрут: Лондон, побережье Южной Африки, Тасмания, Австралия (Аделаида и Мельбурн), Новая Зеландия, группы островов Тонга, Табу, Самоа, Фиджи, снова Австралия (Сидней и Брисбен), Новая Гвинея, Индонезия, Цейлон, Индия, Марсель...

Путешествие Бальмонта продолжалось с 1 февраля до 30 декабря 1912 года. В письме поэт сетует:

«Слишком мало всё же. Это было скорее не большое путешествие, а разведочная поездка. Конечно, будучи любопытствующим писателем и довольно опытным путешественником, я умел в несколько минут заметить многое, чего другой глаз, быть может, не увидит в гораздо более долгий срок, но для того, чтобы вполне освоиться с любой страной, нужна известная длительность, которой я был лишён. Впрочем, до поездки я мысленно путешествовал по этим странам через книги, что продолжаю делать и теперь».

В многочисленных, подчас восторженных записях, посвященных путешествию, Бальмонт мало и совсем в другой тональности говорит об Австралии. Он сравнивает её положение с положением Тасмании:

«Неуютная Тасмания. На этом острове английские поселенцы бесчеловечно истребили всех тасманийцев. И проклятие как бы застыло здесь в воздухе.

То же самое сделали Белоликие англичане с Чёрными туземцами Австралии. Отобрав у Чёрных земли и превратив царство чёрных в пастбище для баранов и в фабричные города, англичане систематически истребили туземцев и свели их действительное существование на нет. Согнав уцелевших ту-

земцев на определенные стоянки, англо-австралийские власти заботятся теперь об этих вымирающих, — совершенно так же, как с безоглядной жадностью истребив несчетные стада кенгуру, они теперь заботятся, чтобы этот редкий зверь, оставшийся в скудных числах, не вымер окончательно».

Поэт путешествовал по юго-восточной Австралии, в области, прилегающей к реке Муррей. Земли эти уже давно и основательно были заселены европейцами.

Плачевное положение аборигенов заставило Бальмонта написать, что в Австралии он видел «лишь горсть чёрных жемчужин, лишь малую малость уцелевших Чёрных туземцев. Чтобы увидеть их снова, нужно, порвав линию движения на Юг, подниматься к Северу, посетив Новую Гвинею, Соломоновы острова, острова Фиджи».

Наталья Новикова, хранитель этнографической коллекции Музея антропологии МГУ

*Опубликовано в журнале «Вокруг Света»,
№2 (2593), февраль 1990*

Жертва горному духу

Около двух недель охотились мы в дремучих кедровниках верховьев реки Хайлинхе, постепенно подвигаясь к западу, к главному хребту Лао-Лин, темные зубчатые вершины которого виднелись недалеко, на фоне голубого неба. Прямо перед нами возвышалась скалистая пирамидальная громада Татубинзы, освещенная красноватыми лучами заходящего солнца. Короткий зимний день приближался к концу, и из ближайшего ущелья повеяло жестким морозом. Щеки и носы наши онемели так, что пришлось время от времени потирать их жесткой заскорузлой рукавицей. Со мной был неизменный товарищ по таежным скитаниям Акиндин Бобошин. Мы шли по тропе, поднимаясь на один из отрогов Татубинзы, в надежде к ночи дойти до фанзы знакомого зверолова Ло-сы. В стороне от тропы все чаще и чаще попадались настороженные ловушки на белку и соболя. Следы этих зверьков ясно виднелись на колоднике и стволах упавших деревьев в рыхлой недавно выпавшей пороше. Бобошин шагал впереди меня, бесечно закинув винтовку за спину. За ним тянулась струя едкого и вонючего дыма самодельного тютюна, и я принужден был держаться на почтительной дистанции, причем приятель иронизировал на мой счет, говоря, что нос у меня чересчур деликатен. Не доходя версты две до фанзы, мы нашли довольно свежие следы двух больших тигров; звери перешли тропу с севера на юг, причем отпечатки их лап виднелись на тропе, на протяжении полуверсты по направлению фанзы.

— Пенсне! А ведь звери-то здесь недалеко, — произнес Бобошин, вынимая изо рта свою носогрейку, — завтра надо их проследить. Далеко не уйдут — это местные.

Я разделял его мнение и посоветовал прибавить шаг, чтобы засветло дойти до фанзы, т.к. обув на оборвала и требовала починки.

Мы быстро зашагали по тропе и вскоре вышли на небольшую поляну, посреди которой приоткрылась фанза, живописно расположенная под навесом высоких гранитных скал, вершины которых осеняли старые могучие кедр. Рядом с фанзой, в скале высечена была неглубокая ниша, где стояла деревянная кумиренка с разбитой глиняной чашкой, наполненной пеплом и воткнутой в него курительными свечами.

На задней стене кумиренки, на ветхой изорванной бумаге изображен был тигр, напоминающий не то дракона, не то какое-то сказочное чудовище. Услышав наши шаги еще издали, старый зверолов вышел из фанзы и ожидал нас у порога.

— Моу-цзы, Бобошка! Пенсне! Здравствуй, здравствуй! — кричал обрадованный старик, приглашая в свою фанзу и жестикулируя своей единственной правой рукой. От левой руки у него осталась одна культяпка по локоть. По рассказам старого зверолова, руки он лишился в борьбе с медведем, которого ранил из своего фитильного ружья. Раненый зверь бросился на охотника и так извлек ему руку, что ее пришлось отрезать по локоть. Операцию эту проделал он сам острым ножом сапожного типа, причем образовавшуюся рану продолжительное время поливал горячим медвежьим салом. И вот, вопреки всем догматам хирургической асептики, рука зажила, и старый таежник промышлял по-прежнему зверя, стреляя из своего самопала одной рукой. Пока Ло-сы возился по хозяйству, приготавливая для нас пельмени из принесенной нами кабанятины, мы занялись ремонтом своей одежды и обуви, порядочно потрепанной во время двухнедельных скитаний по тайге. Работая бритвой и шилом, при тусклом свете примитивной лампы, мы наблюдали за одиноким хозяином, стрелявшим пельмени, и удивлялись той ловкости и проворству, с которыми он расправлялся при раскатывании теста и рубке мяса. Отогнелая культяпка его при этом принимала самое деятельное участие. Когда пельмени были готовы и пышущие клубами пара поданы были в большой миске на кан, мы закончили починку и с удовольствием подсади к миске. Хозяин также принял участие в угощении, и через полчаса от вкусных пельменей ничего не осталось. Выпив огромное количество кружек чаю, мы расположились поудобнее на теплом кане с намерением хорошенько выспаться, т.к. несколько ночей подряд приходилось спать на снегу, у костра. Ночь была светлая, лунная. Мороз усиливался, и маленький звук в тайге слышен был на далеком расстоянии. Богатырский храп Бобошина потрясал ветхие стены убогой фанзы и мешал мне заснуть, но усталость незаметно сомкнула мои веки, я вскоре погрузился в глубокий сон. Перед рассветом я проснулся с намерением выйти из фанзы. Луна уже зашла, и в тайге стало темно, как в яме. При слабом свете ночника я различил сторбенную фигуру Ло-сы у очага. Он сидел на корточках и усиленно раздувал тлевшие угли, раскуривая свою трубку. Когда я приблизился к двери, с целью выйти, старик быстро поднялся и, подбегая ко мне, удержал меня за рукав. Не зная в чем дело, я задал ему обычный вопрос:

— Шима?

Он полупрошептом проговорил, показывая пальцем на дверь:

— Ходи не надо. Шибко худо есть. Близко-близко у фанзы ходи большой начальник. Моя всю ночь слушаю его шаги, его дыхание, его голос. Его шибко сердися. Его хочу кушай бедный китайский люди, но его бойся русски люди. Когда ваша уходи, его все равно бери китайских люди и кушай. Его шибко большой капитан. Его Ван. Китайски люди не могу его бивай.

— В подтверждение своих слов напуганный старик стал у двери и начал прислушиваться, приглашая меня к тому же. Я также стоял у окна фанзы, затаив дыхание и весь обратившись в слух. Бобошин спал сном младенца, прикрывшись от холода рваным ватным одеялом хозяина. Храпа его слышно не было, и только из могучей груди его вылетало мерное хриплое дыхание. В тайге не слышно было ни одного звука, только по временам казалось, что хрустнула ветка, зашуршал обледеневший снег и скрипнул под тяжелою стопой. Но я полагал, что все это галлюцинация слуха, и намеревался уже открыть дверь, несмотря на протест зверолова, но в последний момент, когда дверной крючок уже соскочил с петли, мой слух уловил явственные шаги по мерзлотову снегу у самой фанзы. Ло-сы замер от ужаса, судорожно схватив меня за руку. Мы оба как бы застыли в ожидании. Сомнения не было: вокруг фанзы бродили какие-то звери, и их тяжелые, в то же время мягкие шаги ясно слышны были в морозном воздухе. По временам раздавалось сдержанное ворчание и фырканье. По этим характерным звукам я знал, что это тигры, и намерение выйти из фанзы сразу отпало. Я разбудил Бобошина. Спросонья он схватился за винтовку с целью стрелять зверей через открытую дверь, но, прочухавшись, понял бесполезность этого занятия и стал усиленно раскуривать свою носогрейку. Видя наше спокойствие, Ло-сы перестал нервничать и рассказал нам историю о тиграх-людоедах, появляющихся через каждые десять лет за данью в виде человека. Человеческая жертва должна быть представлена ему людьми добровольно, в противном случае людоед не ограничится одним человеком, а возьмет десять. Таково народное поверье. По мнению старого зверолова, Ван со своей женой приходил уже вторую ночь к фанзе, требуя себе жертву. То же самое он проделывал и с другими фанзами звероловов в ближайших окрестностях. Оказывается, что зверь навел такую панику, и так терроризировал несчастных таежных обитателей, что они сообща решили исполнить его волю принесением ему требуемой жертвы. Добровольно, конечно, никто из них не соглашался принести себя в жертву, но тут подвернулся счастливый случай, а именно: в дальней фанзе, на западном склоне Татубинзы, один из рабочих китайцев, приносивших продукты из города Цунхэ, уворовал из тайника десять соболиных шкурок, принадлежавших трем звероловам. На обратном пути в город его поймали, отвели назад в тайгу, судили своим таежным судом и приговорили к смерти. Приговоренного к смерти в летнее время обыкновенно закапывают в землю живым, а в зимнее — отдают на съедение зверям. В этом случае одним выстрелом можно было убить двух зайцев: привести в исполнение закон тайги и выполнить повеление великого горного духа, воплотившегося в страшного Вана.

Сон наш как рукой сняло. Мы с Бобошиным сидели на подогретом кане, внимательно слушая повествование старого зверолова. Изредка Бобошин подавал свои реплики и делал иронические замечания. Из слов Ло-сы мы поняли, что приговор будет приведен в исполнение в самое ближайшее время, чтобы избавиться от назойливого хищника.

— Вот и отлично, Ло-сы, — сказал Бобошин, обращаясь к зверолову, — завтра мы с Пенсне пойдем в фанзу к вашему Вану и такого ему трезвону зададим, что он со страху подарит нам свою шкуру.

Когда в тайгу проникли первые отблески зари и скалистый кряж Татубинзы перехватил розовые предвестники золотых лучей восходящего солнца, мы с Бобошиным, ежась от холода, быстро шагали вверх по тропе, по следам уходивших хищников.

Пара хищников, побродив ночью вокруг фанзы зверолова, отправилась в скалистые кряжи главного хребта, где, вероятно, находилось их логово. Пройдя по следам их верет пять, мы подошли к высоким отвесным скалам, заполняющим весь гребень Лао-Лина. Следы зверей вели нас на эти кручи, доступные только для хищников и для горалов, водившихся в изобилии в этих каменных тучах.

— Вот чертова зверюга, — с досадой произнес Бобошин при виде этих недоступных твердынь, куда скрылись звери. — Теперь шабаш, не достанешь их никакими судьбами. Придется идти в обход этого кряжа. Это даст крюку верст в двадцать.

Мы стояли на крутом склоне хребта, поросшего дубняками. Огромные площади этого склона носили на себе следы много численных стад кабанов. Всюду виднелись их попки, и земля вместе со снегом была как бы вспахана. Большинство следов — старые, но были и све-

жие. Нам показалось удивительным, почему тигры не обратили внимания на эти следы и не занялись охотой на кабанов, которые составляют их любимую пищу в тайге. Не имея возможности перейти через высокую каменную гряду, мы пошли вдоль нее, надеясь найти доступное место для перехода на западный склон хребта. Кабанов мы оставляли в покое, хотя имели возможность взять несколько штук подвернувшихся нам на самом близком расстоянии.

К полудню мы, наконец, достигли такого места, где каменная гряда понижалась и дала нам возможность перевалить на другую сторону хребта, что мы и проделали с большими усилиями, т.к. все же подъем был настолько крут и каменист, что приходилось продвигаться ползком, при помощи ног, колен, локтей и рук. На самом перевале, в скалах, мы спугнули с лежки большую рысь, которая подпустила нас совсем близко, почти вплотную. Лежала она под нависшею скалой и, когда Бобошин был от нее шагах в двадцати, она метнулась в сторону и пошла вверх большими прыжками, взбираясь на одиноко стоящий утес. Вскоре она появилась на вершине утеса и залегла там так, что нам отчетливо были видны ее голова, кисточки на ушах и часть белой груди. Расстояние было не более 150 шагов. Она совершенно застыла в неподвижной позе и уставилась на нас своими зоркими глазами. Я поднял было винтовку и прицелился, но Бобошин, стоявший сбоку, положил мне на плечо свою тяжелую руку и произнес:

— Брось, Пенсне! Не стоит! Выстрелом отгонишь тигров. Они где-нибудь здесь недалеко.

Я не согласен был упустить довольно редкую добычу и, отойдя немного в сторону, снова взял на мушку белое пятно на груди зверя.

— Ну, стреляй, если уж так хочешь. Авось не потревожим тигров.

Раздался сухой треск выстрела моей трехлинейки, и рысь, убитая наповал, сделал прыжок вперед, как мешок, свалился с утеса в рыхлый снег. Подбегая к ней, я убедился, что она мертва. Это был великолепный экземпляр оленьей рыси в зимнем наряде, серебристо-красноватого цвета, с темными пятнами, расположенными на спине рядами. Величина ее была внушительна, т.к. от носа до корня хвоста помещалось шесть четвертей. Опытной рукой Бобошина шкурка была снята чулком быстро, при этом выяснилось, что моя разрезная пуля вошла в левую сторону груди и, разорвавшись, поразила сердце, легкое и часть кишечника. Тушу мы закопали в снег, т.к. намевались отдать ее знакомым китайцам, у которых рысье мясо считается лакомством. Красивую шкуру зверя Бобошин притерял себе через плечо. Спустившись на западный склон Лао-Лина, мы двинулись опять вдоль каменной гряды, направляясь на юг, где белела на синем фоне неба, как бы сотканная из тонких кружев, вершина Татубинзы. Здесь, как и на восточном склоне, было много свежих покопок кабанов, и под старыми дубами темнели их гайна и лежки. Несколько раз мы настолько близко подходили к зверям, что они стояли как бы в оцепенении, не будучи в состоянии двинуться с места, и только, когда находились от них шагах в пятидесяти, не спеша, удалялись, издавая недовольное похрюкивание. Объясняется это тем, что здесь никто на них не охотится, кроме тигра, и человека зверь не боится. Такой чуткий и осторожный зверь, как изобрет и пятнистый олень, и те подпускали нас вплотную. Мы находились как бы в естественном зверинце питомнике, населенном разнообразным зверем. Бобошин даже острел по этому поводу:

— Знаешь, Пенсне, можно подумать, что мы с тобой попали в рай. Уж больно зверь здесь смиренный. И стрелять-то его здесь зорно.

При этом он любовно и добродушно поглядывал по сторонам на мелькавшие фигуры зверей, пытая своей носогрейкой. Под вечер мы, наконец, нашли выходные следы тигров, опустившихся с хребта и направившихся к югу, попеременно скалистых отрогов Татубинзы. Голодные и утомленные до последней степени, мы решили заночевать в одной из пещер скалистого кряжа Лао-Лина. Разложив большой костер у самого входа в пещеру, мы разложились на мягких перинах из сухой листвы и, закусив шашлыком из рысьего окорока, захваченного с собой Бобошиным, заснули крепким сном, убаюканные тихой песней тайги и веселым шепотом разгоревшегося костра. Под утро, едва только побелела восточная часть небосклона, мы были уже на ногах. Наскоро напившись чаю, мы снова зашагали по хребтам, не теряя из вида следы полосатых хищников. Судя по их направлению и манерам, которые проделывали звери, тигры кого-то искали, то расходясь в стороны, то снова сходясь вместе. Следы самца были огромные, вероятно, вес его превышал 320 килограмм, следы же самки сравнительно были невелики. Преследование тигра чрезвычайно утомительно и трудно, т.к. приходится неотступно идти за ним по зарослям, по каменным россыпям, по крутым гребням гор, по бурелому и т.п. Частые и необходимые остановки для отды-

Николай Байков

В Австралии: 1956-1958г. Байков Николай Аполлонович (псевдонимы Зверобой, Заамурец, Пенснэ, Следопыт) — писатель, автор многочисленных книг о маньчжурской природе и её обитателях. Родился в 1872 году в Киеве. Начал свой писательский путь в русских дореволюционных изданиях. После окончания Киевского Кадетского корпуса учился в Тифлисском военном училище, в 1901 служил в Заамурском округе пограничной стражи и совершил ряд экспедиций по Маньчжурии. Участник первой мировой и гражданской войн, прошёл через русские эмигрантские лагеря в Египте, Индии, Индокитае и в 1925 прибыл в Харбин. В кругах харбинской российской эмиграции 20-40-х был известен как писатель-естествоиспытатель. Умер в Австралии, в Брисбене.

ха вызывают задержку в движении с риском упустить зверя. Нас особенно поражал тот факт, что хищники, как и прежде, не обращали внимания на легкую добычу в виде кабанов, жирующих здесь во множестве. Тигры неуклонно держались одного направления, попеременно отрогов Татубинзы. Чтобы не терять времени, мы на ходу закусывали сухарями, заедая их снегом, и на ходу отдыхали, делая короткие остановки, не присаживаясь. Солнце склонилось уже к западу, когда мы вышли, наконец, на битую тигровую тропу, по которой звери эти совершают обыкновенно свои переходы с юга на север и обратно.

Пользоваться этой тропой очень затруднительно, т.к. шаг у тигра больше человеческого, и все хищники, идущие по тропе, ставят свои лапы след в след так, что тропа представляет собой ряд глубоких ямок в снегу на расстоянии аршина одна от другой и даже немного более. Предпочтительнее идти сбоку, по целине. Придерживаясь этой тропы, мы вскоре вышли на перевал крутого хребта, где представилась нам ужасная картина гибели человека в котлах преследуемых нами хищников. На самой вершине перевала снег был смят и вытоптан широкими лапами зверей и окровавлен. Всюду валялись обрывки и клочки ватной китайской одежды; тут же торчали из-под снега кожаные унты, порванные и измятые зубами хищников. Около меховой шапки под старым развесистым дубом, извиваясь, как змея, блестела черная длинная коса. На стволе дуба висели обрывки крепкой пеньковой веревки, толщиной в палец. Кора дерева обрызгана кровью. Никаких остатков человека мы не нашли: очевидно, растерзав его, звери пожрали его всего, целиком. Только в некоторых местах на снегу темнели замерзшие сгустки крови. Вот и все, что осталось от несчастного китайца. Смотри на все это, можно было легко представить себе эту кошмарную таежную драму. Слова Ло-сы оправдались: человек, нарушивший закон тайги, был приговорен к смертной казни и отдан на растерзание зверей. Крепко привязанный к стволу дерева, прежде чем принять мучительную ужасную смерть, он должен был испытать невероятные переживания, т.к. свирепые кровожадные хищники по частям отрывали части его тела, чтоб освободить его от веревки. Мы стояли долго на этом лобном месте, где совершена была казнь человека во имя древнего первобытного закона «око за око и зуб за зуб». Эта жуткая, таежная драма, разыгравшаяся здесь прошлую ночь, производила самое удручающее впечатление. Даже мастодонт Бобошин не выдержал и разразился отборною бранью по адресу знакомых ему таежников:

— Вот черти! Проклятые ироды! Накормили-таки человеческим мясом своего бога. Чтоб им также пропасть, окаянным. Ну, погоди же, попадись только мне на мушку их великий горный дух. Спусти с него шкуру. Даром, что он сам Ван.

Долго еще возмущался мой приятель, посылая весьма не лестные эпитеты тиграм-людоедам и суеверным фанатикам-звероловам, и густой бас его гудел под сводами дремучего леса.

Вечерело. Багровый диск заходящего солнца скрывался за зубчатыми гребнями отрогов Лао-Лина, и темно-синие тени ночи протянулись уже по крутым склонам лесистых гор. Надо было подумать о ночлеге. Спустившись в глубокий распадок с массой валежника у сухостоя, мы разгребли снег между двумя большими камнями и, разложив костер, приготовились к ночевке в долгую зимнюю ночь.

Бобошин сверх обыкновения был угрюм и молчалив, изредка слышались его недовольное ворчание да шипение неизменной носогрейки. Мы лежали у костра, нежась на мягких постелях из еловых ветвей, и думали свои думы, прислушиваясь к тишине таежной пустыни.

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Год издания XVIII

№ 54

1963 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

ВАЛЕРИЙ ТАРСИС — Веселенькая жизнь. Роман	3
АЛЕКСЕЙ БЕРДНИКОВ — Портрет. Поэма	63
Из цикла «Двадцать нереалистических стихотворений»	67

РУССКИЕ ПОЭТЫ И ПРОЗАИКИ АВСТРАЛИИ

КЛАВДИЯ ПЕСТРОВО — Стихи	77
МИХАИЛ ВОЛИН — Стихи	80
«Гробовица Наполеона». Рассказ	82
АНДРЕЙ КРИВИЦКИЙ — Кэру. Рассказ	85
МАРГАРИТА ДЬЯКОНОВА — Стихи	96

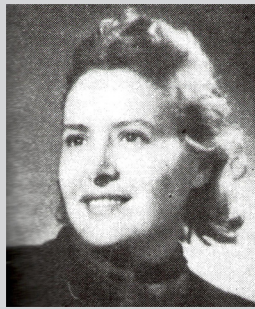
В ноябре 1963 года в Германии журнал «Грани» публикует, то, что стало, вероятно, первой подборкой «русских австралийцев», появившейся за пределами Австралии. В эту подборку вошли стихи Клавдии Пестрово из Сиднея, Маргариты Дьяконовой из Хобарта, рассказ Андрея Кривицкого, а также стихи и проза Михаила Волина (Михаил Николаевич Володченко).

Редакция благодарит редколлегию «Австралиады» за разрешение на публикацию стихов и биографий этих авторов.

Михаил Волин

Родился на станции Имяньпо (КВЖД) в 1914 году. Отец поэта был секретарём посольства Российской Империи в Монголии, в Китай родители поэта переселились в конце XIX века. Первые стихи поэт опубликовал в 16 лет, а через год их напечатал харбинский литературно-художественный журнал «Рубеж». В Харбине М. Волин входил в литературный кружок «Молодая Чураевка» и работал общественным и спортивным корреспондентом в газете «Заря». В 1937 году М. Волин переезжает из Харбина в Шанхай, где открывает школу гимнастики и йоги. В 1950 году М. Волин, через лагерь для перемещённых лиц на филиппинском острове Тубабао, переехал в Австралию и поселился в Сиднее. С 1969 он 12 лет жил и работал в США, но впоследствии вернулся в Австралию. Поэт стал лауреатом Второго фестиваля русских поэтов в Австралии; его работы были опубликованы в журналах «Грани» (Франкфурт-на-Майне), «Новый журнал» (Париж), «Континент» (Мюнхен) и «Новое русское слово» (Нью-Йорк). Помимо стихотворений и художественной прозы, Волин написал восемь книг по хатха-йоге в соавторстве с Нанси Фелон; одна из них, «Йога для женщин», выдержала 11 изданий. Умер М. Волин в 1997 году в г. Аделаида.

Клавдия Пестрово

Родилась на Украине. Почти треть жизни прожила в Югославии. В 1950 году приехала с мужем в Австралию. Участница литературного кружка «На пятом материке», лауреат 1-ого и 2-ого Фестивалей русских поэтов Австралии. Печаталась в русских периодических изданиях «Новое русское слово» (США), «Русская мысль» и «Возрождение» (Франция), «Современник» (Канада), «Грани» (Германия), «Родные перезвоны» (Бельгия), «Русский в Австралии», «Крылья», «Церковное слово», «Австралиада» (Австралия). Умерла в Сиднее в 1994 году.

Маргарита Дьяконова

Урождённая Кюзис, родилась в Томске. С 1921 г. жила в Латвии, окончила юридический факультет Латвийского университета. В 1944 году покинула Латвию, а в 1949 году из Германии переехала в Австралию. В течение 20 лет работала на тяжёлых физических работах, в том числе в госпитале. В 30-е годы Маргарита Ивановна печаталась в рижском журнале «Для вас», в 1963 г. её стихи вошли в подборку австралийских авторов, опубликованную журналом «Грани» (Германия). В 1965 г. вышла книжка стихов М. Дьяконовой «Как это перенести?» (г. Хобарт). Умерла в Хобарте (Тасмания) в 1969 году.

Дорогая пропажа

Слова М. Волина и А. Вертинского

Самой нежной любви наступает конец,
Бесконечной тоски обрывается пряжа...
Что мне делать с тобою,

с собой, наконец,
Как тебя позабыть, дорогая пропажа?

Скоро станешь ты чьей-то
любимой женой,
Станут мысли спокойней
и волосы глаже.
И от наших пожаров весны голубой
Не останется в сердце и памяти даже.

Будут годы мелькать, как в степи поезда,
Будут серые дни друг на друга похожи...
Без любви можно тоже прожить иногда,
Если сердце молчит и мечта не тревожит.

Но когда-нибудь ты, совершенно одна
(Будут сумерки в чистом
и прибранном доме),
Подойдешь к телефону,
смертельно бледна,
И отыщешь затерянный в памяти номер.

И ответит тебе чей-то голос чужой:
«Он уехал давно, нет и адреса даже».
И тогда ты заплачешь:
«Единственный мой!
Как тебя позабыть, дорогая пропажа!»

Тишина

В прелестном моём захолустьи,
Пьянее и слаще вина,
Нежнее томительной грусти,
Любимая мной тишина.

Лишь где-то далёко-далёко
Поют по утрам петухи
И сами слагаются строки
Слагаются строки в стихи.

О вечере розовом, тающем,
О небе с прекрасной звездой,
О жизни моей ускользающей
Бегущей сквозь пальцы водой.

О счастье. А где оно, счастье?
Ушло навсегда, и пусть...
Осталась мне страсть бесстрастия,
Безгрустная эта грусть.

Без заглавия

Со всеми моими ошибками,
Со всею моей пустотой,
Меня, беспокойного, зыбкого,
Тебе не заменит другой.

Ты будешь и плакать, и каяться,
И возненавидишь лазурь.
И снова захочется маяться
В кругу наших маленьких бурь.

Затем вот, что то, настоящее,
Наверное, было судьбой.
Что, всё-таки, полное счастье
Мы переживали с тобой!

А я, захлебнувшись безмерною
Печалью на новом пути,
Пойму, что такую, наверное,
Другую и мне не найти —

Прелестную, нужную, гибкую,
В короне волос золотой.
Со всеми твоими ошибками!
Со всею твоей пустотой!

Синяя птица

Это — тесные наши объятия
И не дом, а высокий чертог,
И прелестное чёрное платье —
Чёрной пеной у маленьких ног.

Это — наши бессонные речи,
При свече, в предрассветную глушь,
Наши руки и смуглые плечи
И касанье легчайшее душ.

Наши губы, спалённые зноем,
Неуёмным желаньем любить!
И в бокалах вино золотое
Так бессильное нас опьянить.

И огромного счастья зарницы
Над провалами тёмных годин.
А рассвет — словно Синяя Птица,
О которой грустил Меттерлинк.

Медитация

Побудь с собой наедине,
Уйди в себя на час.
И словно в сладком полусне,
Не открывая глаз,

Глядися пристально в себя
И ты тогда поймёшь
Всё то, что мучило тебя,
Всю суету и ложь...

С самим собой наедине
Не мудруй, не спеши,
Такой покой на самом дне,
На дне твоей души!

Старушка у церкви

Всё тут не по-нашему —
Ветры не прохладные,
Полыхают жгучие,
Сникла вся трава!

— Прогневил Господа,
Наша жизнь неладная, —
И трясётся старая
Горько голова.

Скоро, скоро старенькой
Примет Бог моления.
Ветер переменится,
И приснится ей:

Словно там, под Пензою,
В тихом дуновении
Ветви закачались
Липовых аллей.

Сонет

Укрывшись мхом, ты гредишь, засыпая,
Под волн седых угрюмой ворожкой,
И чужестранка, со своей тоской,
К тебе прильнула, плача и вздыхая.

Она тебе шептала, не смолкая,
Про непонятный край, про мир иной,
Про блеск снегов, про лес и звёздный рой,
Что даже Южный Крест затмит, сияя!..

И обжигали слёзы мох седой.
Ты спишь по-прежнему. Шумит прибой.
Дрожит, в воде ломаясь, свет фонарный.

Но снится лес тебе, весь золотой!
Седых снегов серебряный покой
И синий свет звезды... Звезды Полярной.

Домовой

Ну, довольно!.. Разломило спину.
Ух, как поздно! Час совсем глухой.
Вижу, потихоньку из камина
Вылезает осторожно домовый.

Серенький, мохнатый... ну, ветошка
Он на цыпочках по комнате идёт.

И, насторожившись мигом, кошка
Недоверчиво чего-то ждёт...

Полизал стакан с вишнёвым соком,
Посмотрел: закрыт ли в ванной газ;
Не горит ли свечка, ненароком;
То ли дело свой, хозяйский глаз!

Наклонился над столом в гостиной,
Вижу — прочитал мои стихи;
Покачал головкою совиной;
Заспешил — пропели петухи!

Пробежал неслышными шагами,
Кошке дав шелчка по голове.
Та — зафыркала. А он — под раму!
И исчез, как дым, в густой траве...

Моему мужу
Чаек крик над пляжем.
Пенные ручьи.
Облачные пряжи,
Да глаза твои.

Вот и всё, что надо.
Всё, что — жизнь пройдя, —
Вспомним мы с отрадой,
В сумраке дождя.

И совсем без боли
Скажешь ты в тот миг:
«Вот — следы от соли,
В волосах твоих».

Эмигрантское

Угрюмая действительность страшна,
Когда звенит ночная тишина
Совсем как дома, в городе чужом.
А здешний дом? Какой же это дом,
Раз не «Стрелковый» за моим окном,
Раз розовая, нежная заря
Не тушит свет ночного фонаря,
Чтобы связать танцующий узор
По полкам книг и кинуть на ковёр...
Мучительный воспоминаний вздор.

Солнце осеннее светит обманно,
Нет от него теплоты.
Это так просто, это так странно,
Что невнимателен ты.

Рыжие листья летят на аллею,
Ветки деревьев пусты.
Я не тоскую, а только жалею,
Что разлетелись мечты.

В детской

Я совсем ненужная, чужая
В этой комнате, где паровоз,
Сотни километров проезжая,
Даже до порога не довёз.

Где хозяин очень деловито
Забирает всех зверей в кровать,
Где стоим, как перед принцем свита,
Бонна, бабушка, дядя, дед и мать.

Здесь когда-то я необходима
Золотому мальчику была,
А сегодня, пробегаю мимо,
Он спросил: «Ещё ты не ушла?»

«Поэзия — это счастье»

Нора Крук

(Элеонора Мариановна Крук, урожденная Кулеш) — двуязычный поэт, переводчик. Родилась в 1920 г. в Харбине, в 1933 г. переехала в Мукден, а пять лет спустя — в Шанхай, где работала журналисткой. С 1957 до 1975 г. жила в Гонконге. Там Нора выпустила свой первый сборник стихов «Even Though» (1975). Переехав в Австралию, Нора заявила о себе как об англоязычном поэте: в 1993 г. она выигрывает австралийскую литературную премию Jean Stone Award, в 2000 г. — премию женского Союза писателей. В 2004 году вышел второй сборник английских стихов Норы Крук «Skin for Comfort», а в 2011 — сборник «Warming the Core of Things». Нора Крук — автор трех англоязычных сборников стихов, а также публикаций в русских периодических изданиях России, Америки, Китая, Израйля и Австралии. При этом Нора Крук остается русским поэтом: ее стихи на родном языке вошли в сборник «Русская поэзия Китая» (Москва, 2001). В 2008 году Нора Крук стала лауреатом литературного фестиваля «Антиподы: русская литература в Австралии». Из-под ее пера вышли переводы на английский М. Волошина, Б. Окуджавы, М. Алигер и др.

— Нора, вы пишете стихи с детства. Что для вас поэзия? Зачем она вам?

— Поэзия — это счастье. Даже когда пишутся стихи более или менее обычные. Но вот вы сидите, например, в очереди к доктору. И вдруг: «Где карандаш?» — Знакомо? Вообще, для меня счастье — это увлечение, одержимость.

— За свою жизнь вы знали столько разных поэтов — и сами пишете. Есть ли между поэтами что-то общее, какая-то связующая нить?

— Все люди разные — и поэты разные. Но, видимо, в каждом из нас есть вот эта одержимость. Потому что, как ни крутишь, в какой-то момент кажется, что поэзия — это главное, что есть в нашей жизни. Хотя жизнь таит столько сюрпризов, столько важного... А потом вдруг оказывается, что самое важное — это какие-то книжечки, какие-то записки...

— Вы встречали и многих действительно больших поэтов, и людей пишущих стихи, которые, возможно, поэтами и не являлись. Есть ли какая-то черта, которая отделяла одних от других?

— Я встречала много людей, которые — может, ужасно так говорить — которые не поэты, но воображают, что они поэты. И мне кажется, что есть показатель таких людей: они считают, что уже всего достигли. Что они пишут, рифмуют (а по-английски, может быть, и не рифмуют) — и этого уже достаточно. И совершенно им не нужно уже ничему больше учиться.

— У Вас не только огромный стаж писателя — но и читателя. И вы видели, как литературные течения или отдельные личности входили в моду — и потом забывались.

— Во времена моей молодости было очень много романтики, она преобладала — и в песнях, и в стихах, даже манера была другая, когда читали стихи вслух. И стихи были более изысканными. Но потом стихи стали более откровенными. До такой степени, что иногда я вижу вещи абсолютно ужасные. Может, люди считают, что это современность — но, по-моему, это просто хамство. Есть же разница между современностью и хамством!

— Вы знаете, у Юрия Визбора есть слова:

*«Я Вас люблю — я в это тоже верю,
Хоть это, говорят, несовременно».*

Но вернёмся к нашей беседе. Вы родились в Харбине в 1920 году. Русский Китай того времени считался одним из центров русской культуры: там работали Валерий Перелешин, Ю. Круzenshtern-Петерс, Ларисса Андерсен и многие другие поэты. Именно туда приехал «в поисках слушателя» Александр Вертинский. По-вашему, что послужило причиной такого расцвета русской культуры в Китае?

— В Китае были очень талантливые люди. Кроме таланта, они все были одержимы «белой идеей», и эта страстная любовь к России, «несчастной России», которую калечат и мучают, их воодушевляла. Это особая вещь, когда поэты одержимы,

когда есть тема. Недаром в России в самые тяжелые времена часто возникает такая богатая поросль талантливых людей, которые не боясь высказаться в стихах.

— А где лучше всего было жить русскому поэту в XX веке?

— Я никогда не жила в России, поэтому мне трудно судить, лучше там было — или нет. Но мне кажется, что в Париже, конечно, где было много поэтов — там было легче реализоваться. Всё-таки, нужно общение. Почему я стала писать по-английски? Потому, что не было рядом русского уха. А теперь у меня в Сиднее достаточно русских друзей, чтобы опять писать по-русски.

— Нора, зачем вам русский язык? Ведь вы не только свободно говорите по-английски, вы — состоявшийся, признанный англоязычный поэт. Об этом многие могут только мечтать.

— Я просто очень люблю русский язык. Мне его так часто не хватало! Когда мне было тринадцать лет, наша семья уехала из Харбина в Мукден, где я «варилась в собственном соку». Как я тосковала по русскому! Я даже отказалась пойти в англоязычную школу: «Учиться буду только в русской гимназии!» А как-то мне приснилось, что я иду по китайской улице и слышу отрывки русской речи... Потом я вжилась в английский язык — но в Австралии снова появились в моем кругу русские люди, которым можно почитать. И я вновь стала писать по-русски — вот что значит общение. Кроме того, я постоянно читаю русских поэтов. И отдаю себе отчет в том, что русских поэтов читать люблю намного больше, чем англоязычных.

И я очень рада своему «возвращению». Иногда я пишу стихи по-русски — и потом, сразу же, по-английски, то же стихотворение. Но часто я даже не помню, какой из вариантов был написан первым: английский или русский. Но подумайте: потеряв мужа, живя одна, понимая, что никто не вечен и что я, например, никогда не узнаю, как сложится жизнь у моей внучки, недавно вышедшей замуж, — сроки-то в моем распоряжении не такие большие... Так вот, при всем при этом я очень занята своей жизнью и довольна ею. Почему? Только потому, что у меня есть поэзия. Есть страсть к чему-то: я всегда была одержима, увлечена чем-то. Вот это и есть счастье.

Н. Крофтс

Нора Крук и Ларисса Андерсен

В моих стихах
весь смысл как на ладони
хотя ладонь моя
полна секретов
все эти линии
следы агоний
и ожиданий
роковых ответов.

Рождество... то... которое...

Помнишь?

Нет.

Как же так ты не помнишь?

Всё это бред.

И пеоны? И томик стихов Тагора?

Опьянение полночного разговора?

Обещанье запомнить и день и час...

А потом...

Ты не помнишь, как свет погас?

Белые, чистые хлопья на этой панели
В грязь превращаются.

Белые, чистые — в грязь.
Город жестокий украсить они не посмели,
Он ненавидит всё чистое, не таясь.

Вот он — Шанхай.

Над чудовищным месивом грязи

Льется из окон высоких

прикрашенный свет,

Судьбы людские без смысла,

без цели, без связи

Прячут от жизни нарядные тюль

и жоржет.

Климат душевный тяжёл,

ограниченны дали,

Страшно, что вакуум жизни уютен и чист.

Люди и сами смертельно уютными стали,

Тянет в болото безжалостный город-садист.

Я хочу, чтобы память осталась в ладонях,
чуть шершавая память китайской одежды,
и чтоб запах остался неувядаем
тех пионов, и ландышей, и надежды.

Твои губы шершавые жарко дышат,

а глаза твои узкие — угольки.

Нас никто не увидит и не услышит

близ моей желтокожей родной реки.

Вечера, о которых потом писали

«незабвенные вечера»...

И чего мы друг другу не обещали

...как вчера.

Опускается занавес. Все сместилось,
все затянута в битвы идеологий
и впадают балованные в немилость —
их с Олимпа преследует голос строгий.

Глас народа? Так думали и в России.
Снова бегство... Разлука.

Прощанье ранит.

А в стране из поэта возник Мессия...

Я хочу, чтоб в ладонях осталась память.

На дереве этом трезвом,
большом, узловатом, прочном,
Как сон, расцвели, как чудо
немыслимые цветы.
И стало дерево новым:
нетронутым и порочным
Раздвоенно-человечным
и снова юным, как ты.

Мы лечились Парижем.

Французским и русским.

Богомольным, похабным,

широким и узким.

Красота каждодневна,

как хрусткий батон.

Бредит славой и гением Пантеон.

В ресторанчике русском «Вечерний звон».

Бредит...

Мы лечились Парижем.

В листве зрела осень.

В облака прорывалась умытая просинь.

Пёстрый говор Метро,
Сакрэ-Кер и Монмартр.

Город яркий, как ярмарка,

мудрый, как Сартр,

Тасовал нас колодой разыгранных карт.

Париж!

Рождество 47-го года

Тянет, так тянет назад

в музыку Грига,

песню Сольвейг,

что я пела когда-то

в концерте.

Тёплый душистый воздух

(а за окном — холод

шанхайской зимы).

Тафта-шанжан

на узких бёдрах

переливается медью, огнём,

рубином. Умно скроенное

платье с «разорванным»

декольте... Шёлка шуршащий

шёпот.

Всегда стихи, Рабиндранат Тагор,

розово-белая пена пионов,

тёмные волосы,

алый рот.

На обнажённых плечах

неуловимо тёмные духи Карон:

их заклинаньям подвластны все:

N'aimez que moi.

Она австралийка. Самым своим нутром.
Ещё до церемонии, меченой шуточным
подношением юного саженца, — киньте
его через плечо и он примется
в любой почве. Крепыш.

Ну, она-то не столь крепка,
но уже пустила здесь корень
и чувствует, что иностранность
лишь укрепляет ощущение её
принадлежности.

Почва охватывает и держит крепко,
в ней безопасность, тепло,
источник энергии.

Эвкалипты быстро растут
под горячим солнцем,
ветры играют и треплют тонкие листья,
к этой живой красоте привыкает глаз.

Здесь она дома и говорит: место, где я
родилась, лишь точка на карте —
русский

Харбин на китайской земле. Дом здесь.

Русскость когда-то текла

мёдом бальмонтовских

стихов, наполнялась

мужеством шолоховских

героев. Позже пришла влюблённость.

Это бывает. Я полюбила

английский язык.

Новые эмигранты удивлены:

— Вы совсем русская!

Те, кому не даётся язык, говорят:

— Вы ж австралийка.

Спасшись от старой боли и новых угроз,
новые эмигранты, как дети,
жадно хватают

новую жизнь... потом тоскуют.

Не о друзьях (большинство которых

уже разъехалось),

не о циркачестве новых

политиканов — о местах,

где родились воспоминания, о

бедной выхолощенной

земле и надвигающихся тучах...

Австралиада

несколькими поэтами, показавшимися нам наиболее интересными.

Редакция благодарит редколлегию «Австралиады» за разрешение на публикацию стихов и биографий этих авторов.

Антология русских поэтов Австралии

Как говорилось во вводной статье, за с 1957 по 1997 годы в Австралии вышло более 100 книг, изданных русскими авторами или их родственниками. Нередко несколько авторов объединялись в один сборник, то просто по дружбе, то под эгидой клуба или фестиваля. «Антология», вышедшая в 1998 году под эгидой клуба «Австралиада», собрала, пожалуй, самое большое число людей, интересующихся литературой – в неё вошло 46 авторов. Здесь мы знакомим вас с

Наталья Грачёва-Мельникова

Наталья Анатольевна Мельникова (урождённая Грачёва) родилась в Харбине, в 1955 году окончила среднюю школу, а через два года уехала в Австралию. Окончила Сиднейский университет, университет Нового Южного Уэльса и институт русского языка в Москве. Преподаватель и автор ряда учебников русского языка. Автор юмористического сборника «Пятый остров» (Сидней, 1990г.), а также ряда публикаций в периодических изданиях России и русской Австралии. Главный редактор журнала «Австралиада». Её сборником стихов «Привет вам, харбинцы» серия «Советский писатель» впервые представила автора, не являющегося гражданином СССР (Москва, 1990г.).

Елена Недельская

Родилась в 1912 году в Ярославле, росла в Самаре. После революции уехала из России с родителями, эмигрировавшими в Харбин. До 1953 года работала лектором Высшей музыкальной школы и режиссёром Центрального Клуба в Харбине. Переехала в Австралию в 50-х годах. Печаталась в русских журналах Китая («Рубеж» и «Луч Азии»), в коллективных сборниках, издала несколько персональных поэтических сборников. Умерла в Сиднее в 1980 г. (по другим сведениям – в 1981г.).

* * *

В душном мраке усталые люди
Напряжённо и жадно молили
О покое, о мире, о чуде...
А сирены стонали и выли.

Воздух рвался от залпов орудий,
И дрожали корбились крыши,
И кричали испуганно люди,
И никто этих криков не слышал...

Мать плясала над трупом ребёнка,
И метались косы, как грива.
Дикий смех, исступлённый и звонкий,
Был страшнее, чем залпов разрывы.

Пастор рылся в дымящейся груди
Обгорелых обломков строений,
Посылая и Богу, и людям
И проклятия, и обвиненья...

Забирались под землю глубоко...
Пёс подстреленный жалобно лял...
А над миром на небе далёком
Распускалась звезда голубая.

* * *

Мне часто кажется, что это – сон,
Что я проснусь, и будет всё,
как прежде –
Церквей харбинских перезвон,
Мой город в чистой снеговой одежде.

Нет, пусть не снег –
пусть пыльная весна,
Черёмух цвет и ветер дни и ночи...
И жизнь полна, и цель её ясна,
И зорек ум, и карандаш отточен.

...Всё дальше уходящие года...
Чужой закат над нами пламенеет.
Я видела красавцы-города,
Но ты, мой пыльный город, всех милее...

Василий Резников

Родился в России в 1897 году. После 1917 года жил в Югославии, в Белграде. В 1951 году переселился в Австралию, в г. Аделаиду. Василий Николаевич – поэт и художник, его работы выставлялись в Югославии и Венесуэле. Умер в Аделаиде в 1991г.

Осенняя элегия

Бархат поблекший – трава изумрудная.
Золото старое в листьях берёзовых.
Красные клёны оранжево хмурые;
Звучное, жёлтое, белое с розовым.

Ранняя осень, сухая, измятая,
Гамма узорная в дымке муаровой.
Томно-серебряной дрожью объятье
Скрипки осенние – прошлого марево.

Светы сквозные в аккорде пылающем.
Призрачно-шёлкова нить паутинная.
Слушай, что шепчет листок улетающий!
Пал, закружился дорогой длинною.

Реет аккорд и трепещет и царствует.
Жёлтая гамма – звенящее зарево.
Тени прошедшего, тени усталые,
Тают, уходят в холодное марево.

Падают листья... мелькают, уносятся,
Выются, кружатся роями осинными,
Ветры бездомные, злые, холодные,
Треплют, играют моими сядинами.

Гали Плисовская

Гали Евгеньевна Плисовская (урождённая Маркова) родилась в 1922 году в городе Демидове Смоленской области. Во время Второй Мировой Войны в течение двух лет скиталась по России, Белоруссии, Польше. Окончание войны встретила в Германии. В 1949 году переехала с семьёй в Австралию. Умерла в 1994 году в Сиднее.

Святая смерть

В зловещем круге
Метались выюги,
Метались выюги по всей земле;

Умы бродили,
Умы блудили,
Скрывалась злоба в холодной мгле.

И дух мятежный,
Как ветер снежный,
Настиг Россию – пришёл Февраль...

...И молча звёзды
Глядели в бездну,
И тихо слёзы лила печаль.

К «безумству храбрых»
Взывали песни,
Зловещий реял – вился кумач.

Кипели страсти,
Менялись власти,
Рубили снасти древнейших мачт.

И шли лавиной
На дно пучины,
И тучей чёрной пришёл Июль –

Свирепым вором,
Гремя затвором,
В глухую полночь – потоком пуль.

...Угасло Сердце,
Померкло солнце,
Взвился над Миром высоко меч!

И кровь Святая,
Там пролитая,
Течёт поныне и будет течь.

Летите птицы
На зов зарницы,
Вещайте, птицы, Святую смерть!

Угасло Сердце,
Померкло солнце,
И пошатнулась земная твердь...

Эхо войны

Лес шумит в Обероне,
не выдавший огня.
...Эхо! Голос знакомый:

«Пристрелите меня...»
...Злится гром канонады,
рвётся, стонет земля,
Рушит елей громады

вихрь шального огня.
Взрывы! Крики! Проклятья!
и приказ: «Отступать!...»

«Братья, смилуйтесь, братья...» –
просит голос опять.

...Там, под елью мохнатой
муравейник живой...

Шли тропой солдаты,
шли лесною тропой...

И несётся, как это,
сквозь леса и поля,

Через годы седые,
голубые моря,

В тихий лес Оберона,
не выдавший огня,

Голос... близкий, знакомый:
«Пристрелите меня!...»

Павел Шевченко

Родился в 1920 году в Старом Осколе Белгородской области. Учился в Харьковском университете и в университете им. Л.Н. Толстого на Северном Кавказе. Приехал в Австралию в 1950 году и работал в библиотеке Университета Нового Южного Уэльса. Автор сборника «Стихи», а также ряда публикаций в журналах Австралии и Америки. Лауреат 1-ого и 2-ого Фестиваля русских поэтов Австралии. Умер после 1998г. в Сиднее.

* * *

Утоли, мой друг, печали
Перед образом Творца, –
Нашей жизни нет начала,
Нашей смерти нет конца.

И в надзвёздных поселеньях,
Где иная благодать,
Будут новые созвездья
Нам таинственно мерцать.

* * *

Уронив лицо в ладони
И глаза немного смежив,
Хорошо гадать на звёздах,
Уплывая в сумрак снежный.

Хорошо в ночную лунность,
Заглушив земные звоны,
Навсегда вернуться в юность, –
Уронив лицо в ладони.

Я помню

Я помню всё до мелочей:
Твои слова, твои движенья,
Печаль заплаканных очей
И листья тополя паденье.

Я помню всё, мой милый друг,
Я помню всё, что было прежде:
Веслом разбитый лунный круг,
Войной разбитые надежды.

Гонконгские картинки

1.

Гонконг. Крикливый юг.
Навстречу грузчица едва идёт,
Отставши от подруг.
Испуг в глазах раскосых,
Как рикши чёрные, вокруг плывут круги,
Неверный шаг малюсенькой ноги –
И рухнула,
И в грязь упали косы...

2.

Шумит ночной Гонконг,
Как гонг!
Разлил огни по берегам,
Торгует разностью базар,
Азарт
И ругань там и сям.
А в каждой улочке глухой
Костей игорных хруст,
Звук – пуст,
И свет – плохой.

В Сидней!

В город большой уеду,
где беседу
в облаках ведут небоскрёбы...
Чтобы,
ты знаешь, чтобы
позабыть о прошлом лете,
о тебе,
обо всём на свете!
На мосту, над синей бездной
бесполезно
думать о смерти:
«Не верьте, –
поезд поёт, – не верьте!»

В мастерской художника

«Сколько их было, этих мастерских, — пустых, огромных и маленьких, рядом с чердаками и подвалами, любовью и страхом, светом и голодом, мясом и луком, женицами, красками и пепельницами, а от всего остается то, что в углу, на холстах и картонах, и нельзя остановиться, надо делать еще, — живое, целое, как уходящий день и мир, — живое, как кровь, чтоб порезаться можно было...

Ну и что же остается? Работы пером, графика, листы, где вереницы сплетенных тел, картины, ключи и женицыны; и живопись, — плотные, огромные, мастихино писанные скорородки и будильники, атрибуты маленького, персонального ада; одинокие автопортреты, а потом вдруг кубы, окна, и в них летающие шары, птицы и женицыны, — серые, розовые, голубые. И отдельно полуабстрактные работы, — конструкции, опоры и проемы, ускользающий остов бытия...

Этот фрагмент из моей новеллы «Рыба на ужин» навеян посещениями мастерских замечательного русско-американского художника Леонида Ламма. Нас связывают долгие десятилетия дружбы. Персональная выставка проживающего в Нью-Йорке художника прошла в Петербурге в Русском музее, осенью 2009 г. и представила широкой публике панораму творчества создателя русского акционизма, характерного стремлением стереть грань между искусством и действительностью.

Нижеследующий текст был написан для книги «Леонид Ламм. От утопии к виртуальности» вышедшей в том же 2009 г.

1.

Впервые я увидел работы Леонида Ламма в его мастерской на Садово-Каретной, рядом с улицей, названной именем революционера-бомбометателя Ивана Калаяева.

Два больших окна комнаты в квартире на втором этаже выходили на Садовое кольцо. С улицы доносился гул машин. Свет из окон падал на огромный рабочий стол с бумагой и карандашами, скальпелями и рейсфедерами в глиняной кружке. Тут же, на столе присутствовали кувшины с кистями, палитра и тубы с красками в желтой деревянной коробке.

Несколько в стороне стоял высокий, массивный желтоватый мольберт с неоконченной живописной работой.

У правой стены стояли полки с книгами и папками графических работ.

Слева от стола, на стене висело несколько работ, которые сразу же меня удивили и заинтериговали...

Было это в 1959 г., был я тогда совсем еще молодым человеком, и в мастерскую Ламма приехал сразу после того как побывал на Американской выставке в Сокольниках, где надолго задержался в той части зала, где экспонировалась американская живопись того времени.

У работ шло множество оживленных дискуссий.

Помню заявление одного из посетителей: «Мы с таким безобразием давно распрошались...», недоумение публики, самые разнообразные реплики посетителей и замечание одного из уставших гидов: «А почему же тогда ваше правительство не хочет продать нам все, что лежит в запасниках Третьковки и Русского музея?»

Теперь, оказавшись в мастерской Ламма, и увидев его работы, я был поражен...

Ясно было, что существовали какие-то общие корни и у того, что я видел в Сокольниках и у того, что увидел в мастерской на Садово-Каретной. Но странно и неожиданно было, что работы эти обретались на стене в мастерской московского художника...

Работы Ламма поразили меня своей дерзостью, завязался разговор и получилось так, что я проговорил с художником о его работах и обстоятельствах их появления до глубокой ночи.

Он был открыт, ироничен и добр и вовсе не пытался подчеркнуть разницу в возрасте, опыте и кругозоре. Я тогда заканчивал среднюю школу и был вдвое его моложе.

...В доме на Садово-Каретной Ламм жил с детства, и в детстве же по настоянию родителей учился игре на скрипке. Позднее учителем и наставником будущего художника стал Яков Черников, один из друзей его отца.

Произошло это во времена торжества «социалистического реализма» в архитектуре, литературе, изобразительном искусстве и музыке. Конструктивизм и другие движения русского авангарда начала века изгнаны были из жизни, и в конце 40-х годов творения Черникова, а он был еще и замечательным художником-графиком, жили только на бумаге...

В марте 1946 года, в день своего рождения, Ламм получил в подарок от Черникова книгу с его графическими работами. Через пару дней Черников взял его с собой в дом на Масловке, где жило много художников. Пришли они и в мастерскую Владимира Татлина.

Автор контррельефов, проекта Башни Третьего Интернационала и «Летатлина» зани-

мал комнату, где стоял огромный бильярдный стол, на котором он спал, работал, хранил свои пожитки и играл в бильярд.

В тот день Ламм стал свидетелем одной многочисленных дискуссий Черникова с Татлиным о путях и судьбах конструктивизма...

Познакомил его Черников и с другим известным башнетворцем, — Константином Мельниковым.

Рассказывая об этих встречах, Ламм вспоминал, как поразило его кричащее несоответствие между градиозностью футуристических проектов и ущербностью существования их отодвинутых в сторону творцов...

Но уже в следующем, 1947 году Ламм был исключен из комсомола и вылетел с архитектурного отделения Строительного института, после того как органы госбезопасности арестовали его друзей, студентов мехмата МГУ, создавших подпольную организацию «Нищие сибариты».

«Сибариты» распространяли письма и листовки, в которых разоблачали карательный режим Сталина.

Ламму повезло, он избежал ареста, но возможность работы в архитектуре оказалась закрытой для него навсегда, и он, сконцентрировав волю и усилия, поступил учиться на художественно-графическое отделение Полиграфического института.

Оказалось, что работы из цикла «Исследование динамики пространства» сделаны были в Саратове, старом и пыльным купеческом городе на правом, холмистом берегу Волги, куда Ламм был направлен в 1954 году, после окончания Полиграфического института. Там он работал художником в областном книжном издательстве, где и познакомился с Борисом Милловидовым, другом Якова Черникова по ВХУТЕМАСу.

Творчество Черникова и судьба художника, умершего в забвении в 1951 г., были главными темами их бесед.

Увидел я и черно-белое фото того периода, запечатлевшее одетого в черное молодого художника, что тянет руку к груди беломраморной Венеры, на плечи которой накинута темная ткань. На переднем плане, — одна из пространственных композиций Ламма того периода, приключенная к небольшому мольберту.

Вдохновлены они были его архитектурными штудиями, но в отличие от творений его учителя, архитектора и визионера, одного из создателей русского конструктивизма Якова Черникова, объекты Ламма парят в пространстве, скорее даже в небесах, лишенные какой-либо опоры, и порой представляются мне составленными из живых, разноразмерных элементов саратовских деревянных строений и заборов, плотов и мостков на реке...

В этих выполненных акварелью и маслом работах, присутствует яркий, потешный, театральный элемент, а само пространство есть нечто вторичное, вытекающее из динамики взаимодействия и связей элементов создаваемой художником конструкции, в то время как цветовые решения работ этой серии демонстрируют целый спектр ассоциируемых с пространством эмоций, от глухого раздражения дурной бесконечностью заборов и амбаров, до упоения элегантно сценичностью оснащения парусников.

Читались они не только как пространственные строения, но и как высказывание, резкое и не вполне приличное о судьбах конструктивизма в России, ведь не зря же говорят в этой стране, что забор — это доски, прибитые к матерным словам.

Захватывало все — и присутствие сценического элемента в его работах, и драматическая трактовка пространства, и бесконечная ирония художника...

2.

Вернувшись в Москву Ламм продолжал заниматься книжной графикой как почти все остальные художники, составившие позднее цвет нового московского авангарда.

В годы, последовавшие 1959-му, я не раз встречал в мастерской у Ламма и его друзей — «сибаритов», вернувшихся в Москву из мест заключения после начала «оттепели». Все они излучали талант, так или иначе совмещенный с угловатыми, неуживчивыми характерами, приправленными той или иной долей шарма, эрудиции, блеска и всегда — одержимости. Ламм принадлежал к этой талантливой и дерзкой плеяде послевоенной московской молодежи.

При этом и художники, искусствоведы, скульпторы, поэты и математики, да и все другие люди той поры, появившиеся в мастерских, состояли в непростых отношениях, сочетавших элементы дружбы-товарищества-соперничества и постоянных дискуссий на самые различные темы, начиная с тем узкопрофессиональных и заканчивая вопросами весьма общего характера.

Но и находясь в «художественном подполье», художники были тем не менее включены в общий меняющийся культурный контекст в силу того, что участвовали в редакционно-издательской деятельности, готовя к выходу в свет новые книги...

Художники того времени и круга часто встречались в кафе «Артистическое». Ламм привел меня туда после того, как я сдал вступительные экзамены в Вуз с тем, чтобы отметить это событие.

Не оставлял Ламм и того, что следовало бы назвать «работой для себя».

При этом он всегда избегал каких-либо групп и, как мне казалось, всегда тяготел к полету «поверх барьеров». Мне представляется, что его стремление увидеть события и явления в широком, и даже онтологическом контексте было одной из тех движущих сил, что определили его развитие как художника...

Отношение это прослеживалось и в его заинтересованности весьма удаленной от обыденной жизни концепцией единого пространства-времени.

Однажды он подошел к книжному шкафу, содержащему среди прочего и почитаемую им «Дхаммападу», и отыскал книгу Эйнштейна «Принцип относительности» 1924 г. издания с пожелтевшими от времени страницами. Затем он открыл ее и показал мне рисунки с часами, показывающими разное время в движущихся друг относительно друга системах координат.

— Эта книга сильно на меня подействовала, — сказал он.

Скорее всего, он имел ввиду отказ от концепции абсолютного пространства и единого для всего пространства времени. Его волновала идея летящих в пространстве часов, показывающих свое собственное время...

По-моему, то было выражение сильнейшего желания разорвать всякие оковы и узды и взлететь...

— Нет, ты только подумай о том, что это все означает, — сказал он мне однажды, — ведь это освобождение... Так и искусство, оно должно вести к освобождению, а оттого должно включать в себя элемент провокации... Да и вообще-то, оно ведь и есть система провокаций.... Как те новые хромовые сапоги Хулио Хуренито, в которых ты направился на Моховую площадь с тем, чтобы его там зарезали, ибо после того, как герой Эренбурга посетил Москву, делать ему в жизни было больше нечего... И некого было провоцировать, ибо абсолютная провокация уже свершилась...

Но Москва тех времен, когда я приходил в мастерские Ламма, конечно же отличалась от Москвы эпохи Хулио Хуренито.

В те времена ослепительно лысый Хрущев, похожий на смутно ожидаемых в ту пору инопланетян, провозглашал приближение коммунизма.

Из Мавзолея был вынесен один из двух, содержащихся в нем набальзамированных трупов, что должно было облегчить движение к светлому будущему. Так сбрасывают балласт с воздушного шара, теряющего подъемную силу.

— Ну-с, «шестикрылый серафим», что же ты там на выставке узрел? — спросил он, когда я пришел к нему после того, как побывал на Французской выставке все в тех же Сокольниках.

Он полагал, что «шестикрылый серафим» — образ абсолютно конструктивистский...

Тогда же я понял, что, несмотря на свою привычку иронизировать, он любит поэзию. В последующие годы он часто ставил меня в тупик неожиданными цитатами из классиков литературы, иногда он цитировал Рубенса и Делакруа. А книжку Матисса, утверждавшего, что искусство должно быть своего рода удобным креслом, предложил прочитать.

Работал он не спеша, тщательно и аккуратно, с достоинством и основательностью мастера. Он уважал и ценил своих учителей. Иногда он рассказывал мне о выставках, ему нравились работы Рокоты и Боровиковского, а однажды мы вместе направились в Третьяковку смотреть иконы.

Весной 1965 года года, я пришел в мастерскую Ламма на Садово-Триумфальной. Располагалась мастерская в подвальном помещении, в тесном соседстве с моргом Института судебномедицинской экспертизы, отчего и летом в мастерской не стоило открывать окон, запаха формалина мгновенно заполнил бы мастерскую.

В мастерской я увидел «Шар», работу, в которой Ламму удалось преодолеть тиранию плоскости... на плоскости....

То был следующий шаг его работы по изучению динамики пространства.

Помню, как набросав на листе бумаги диаграммы, иллюстрировавшие этапы развития проблемы отображения пространства в живописи, Ламм рассказывал мне, что работая над картиной, часто ощущал лежавший в кармане блузы тяжелый металлический шар...

Его ирония, критический анализ и чувство нестесняемой свободы полета объединились в этой строгой работе, напомнившей мне об иконе, я говорю о предельной силе, экономии и концентрации в передаче фундаментального утверждения....

Эта аскетичная и строгая работа поражает сочетанием свободы и непроницаемости... Летящие в двух, соединенных окном, пространствах

Игорь Гельбах

Родился в Самарканде в 1943 году, окончил физический факультет Тбилисского университета. Жил в Сухуми, Тбилиси, Риге, Москве, Ленинграде; с 1989 года живёт в городе Мельбурне (Австралия). Книги прозы Игоря Гельбаха изданы в Санкт-Петербурге, а также в Австралии, в переводе на английский язык. Автор вошёл в шорт-лист Премии Андрея Белого 2004 года.

тяжелые и непроницаемые шары, объединены опущением парадоксальной связи тяжести и свободы...

Присущая Ламму тяга к метафоричности и метафизике помогла ему осмыслить пространство как стену, которую можно пробить, а вслед за этим присоединить к первому пространству второе, зеркально сопряженное первому ...

Я воспринял эту работу как «Валтасарову надпись», появившуюся на дотоле непреодолимой преграде плоскости или пространства....

Работа эта заворачивает и навсегда остается в памяти зрителя.

Стремление вернуться и заново разгадать ее никогда не покидало меня, и однажды, много лет спустя, разглядывая репродукцию этой работы, я припомнил фигурировавший в рассказе Ламма стол, на котором спал, работал, хранил свои пожитки и играл в бильярд Татлин.

3.

С годами, однако, атмосфера в практическом театре социализма, построенного в отдаленно взятой стране, менялась, и мастерские художников того круга, к которому принадлежал Ламм, располагавшиеся в подвалах и на чердаках, постепенно превращались в настоящее «подполье» или «андерграунд»

Между тем началась новая волна преследования диссидентов.

Иногда казалось, что время начинает медленно пятиться назад, и в конце лета 1967 года мастерской Ламма стала одна из центральных площадей города, в котором он жил. Мне довелось принять участие в этом предпринятии...

На этот раз его мастерской стала площадь Маяковского, с возвышавшимся посреди людского торжища серым памятником поэту, который когда-то в футуристическом пылу предложил выкрасить Большой театр в красный цвет.

В ту ночь мы несколько раз выходили на площадь, но все сложилось лишь почти к утру, когда почти пустая площадь оказалась без освещения и мы устремились к глухому и темному ее центру...

Ламм нес в руке свой старый кожаный портфель. В нем были два больших стеклянных флакона с красной темперой, литолью.

Затем нам пришлось остановиться и обождавать несколько мгновений, глаза должны были обжиться в темноте, а уж затем проложить первоначально мысленную траекторию последовавших один за другим бросков, вслед которым литой серый силуэт Маяковского дважды вздрогнул, вздохнул, и два гребня ослепляюще яростного звона и гула полетели над площадью, отражаясь от молчащих ампирических фасадов, в проход под одним из которых мы нырнули, уходя от появления людей, и то тут, то там вспыхивавшего в окнах света...

Наутро, когда мы пришли на густо запруженную площадь, все еще летний, яркий свет обволакивал плотную, почти неподвижную толпу, и фокус площади теперь составляло кровавое, красное пятно на бронзовой груди, замершей в момент максимального расширения в недостижимой для пешехода небесной высоте, притягивая взгляды поверх суевившихся у памятника милиционеров и серых персонажей в штатском.

На краю одной из серебристых лестниц, тянувшихся к памятнику от двух красных пожарных машин, терялась на фоне серого подбрюшья монумента маленькая фигура пожарного, и на мгновение Маяковский с кровавым пятном на груди и серебристыми лестницами, тянувшимися к нему над толпой, напомнил мне конструктивистские композиции двадцатых годов, наведя затем на ощущение театра абсурда.

Люди в толпе, окружившей памятник, стояли молча или негромко переговаривались, возможно и не зная о дважды прозвучавшем ночном колокольном звоне, странная это была картина, чуть сюрреальная, — молчащая толпа, политая солнечным светом, серый монумент с красным, засохшим пятном на груди, серебристые лестницы, протянувшиеся к монументу с красных пожарных машин, и дергавшиеся внизу милиейские фуражки, — водоворот молчания посреди требовательно шумящей Москвы...

Сидней

Сергей Ерофеевский

Родился и вырос в Ростове-на-Дону. Окончил Машиностроительный институт. Работал на заводе, затем в газете. С 2000 года живёт в Австралии, в Сиднее. Работает в разных жанрах (стихи, рассказы, пьесы).

Весна — Осень

Весну сменила ты на осень,
И в марте листья опадают,
Как много зим никто не спросит,
Как мало лет никто не знает,
И сколько звёзд в небесной чаше
Мечты роняют в сновиденья,
Они с годами станут краше,
Но и короче, к сожаленью.

Неузнаваемо

Неузнаваемо переменился парк,
Где клён теряет листья-эполеты,
Под ним мы целовались невпопад,
Роняя воду с алого берета.

Неузнаваемо переменился день,
Что был вельможено-пасмурным когда-то,
Он ныне разделён на свет и тень,
Лиловый фон и жёлтые заплаты.

Неузнаваемо переменялась ты,
Семь лёгких ветров, шевеливших чёлку,
Ушли искать сожжённые мосты,
А мы остались, крутимся без толку

Ограда парка, красные цветы.

Ода дождю

1
Сегодня дождь, я не пойду на бал,
Тем более никто не приглашал,
И не было в округе нашей бала
Уже сто лет, в обед, и в ужин,
Один не шёл, другой не звал,
Но хлещет дождь, и мне никто не нужен.

2
Сегодня дождь, мне не
не в чем выйти в свет,
И незачем, размыты свет и тени,
Кидает в дрожь стихи и куст сирени,
Мой силуэт, в окне,
сквозь рябь капели,
Смакует грусть под ливня трели.

3
Сегодня дождь, не время для утех,
Расстроены корриды, карнавалы,
Пьют горькую шуты и зазывалы,
Октавой ниже — колкий женский смех,
Сманённый похотью
в сивушные подвалы,
А тех, кого здесь нет
Не рвут на части мокрых древ цимбалы
И не корёжит клавишный дуэт
Дырявых крыш и водяного шквала.

Лишь я не знал, что праздник отменён,
И, как болван, танцую под дождём.

4
Сегодня дождь, такие времена,
Улыбки спрятались
под чёрными зонтами,
Не до цветов, малыш, идёт война,
Вода и ветер движутся фронтами.
На нас? Не думаю, мы за стеной,
На ту берёзу, взмокнушую от страха,
На иву у реки идёт волной
Гроза, и синюю рубаху
Рвёт на груди...
Такие времена,
И я тебя слепил из винных капель,
Война, малыш, слёз горьких пелена,
А я люблюсь, как ни есть — предатель.

Мой брат

Мой самый большой друг — это мой брат. Вообще-то, у меня много братьев и сестёр, даже трудно сосчитать, потому что у моей бабушки была такая большая семья! Она рассказывает, что давным-давно, когда она была маленькой, у её родителей было восемь детей, четыре её брата и три сестры. У неё были длинные косы и огромные глаза, и она была самая красивая из девочек, а жили они в большом доме на берегу моря. Сейчас все выросли, разъехались по разным местам, стали бабушками и дедушками моих многочисленных братьев и сестёр, но хотя бы на несколько дней в году со своими детьми собираются вместе в том городе на берегу южного моря, откуда все родом. Мы играем и плаваем вместе. Там я и встречаюсь со своим братом, потому что на самом деле он мне троюродный брат и живет со своими родителями далеко-далеко, и остальное время я играю один. Я немного скучаю, и бабушка говорит, что из-за этого я такой фантазёр и выдумщик. И ещё она ворчит, что я вырасту и буду писать свои истории по-русски. Она, конечно, учит меня еврейскому, и когда собираются наши родные, они всегда поют ужасно красивые еврейские песни. Петь мне нравится, но сочинять по-еврейски не выходит. Я думаю по-русски, вот в чем дело. И по-русски говорю со своим любимым братом, когда мы встречаемся. Я столько историй сочиняю, пока сижу один, что даже успеваю забыть их. А он обижается и так просит вспомнить хоть что-нибудь, что я стараюсь и вспоминаю, и рассказываю ему про великого тритона, повелителя морей, который жил в чудесном дворце на дне морском, а по ночам выплывал на берег любоваться цветами, потому что на дне моря цветы не растут. Или про льва, который влюбился в солнце, потому что оно такое же рыжее, как и он сам, и полез на самую высокую гору в мире, чтобы поцеловать свою любовь. Но чем выше он лез, тем холоднее становилось кругом. А лев так мечтал поцеловать солнце, что всё полз и полз вверх по камням, а потом по снегу и льду. Была глубокая черная ночь, когда он, наконец, взобрался на самую высокую гору в мире. Его лапы были изранены об острые камни, нос отморожен холодным ветром, а глаза ослепли от снега. Лев поднял свою замерзшую голову вверх и стал ждать, когда встанет солнце. Потому что ночи обязательно придёт конец, и солнце встанет над миром и увидит рыжего, такого же рыжего, как и оно само, льва на вершине самой высокой горы в мире и поцелует его в замерзший почерневший нос. Так много историй, которые приходят ко мне, пока я один, жду, когда снова увижу своих братьев и сестер, и сочиняю, сочиняю. А бабушка говорит, что я самый большой выдумщик на свете, но это хорошо, что я так люблю моего брата и рассказываю ему свои сказки, потому что ему, наверно, плохо одному, без нас всех, ведь на самом деле все её братья погибли на войне, а её расстреляли вместе с родителями в том городе на берегу моря, когда она была совсем молодой, и не имела детей.

Кровная гордость

1
Мне доверили отвезти внука на соревнования по теннису.

Я первый раз попал на сражения десятилетних спортсменов и с интересом наблюдал за происходящим. Некоторые дети психовали после каждого неудачного удара; они плевались, швыряли ракетку в сторону на несколько метров или в сердцах наотмашь били ею по земле, вызывая у меня сочувствие к их родителям: современные теннисные ракетки — довольно дорогое удовольствие. Я знал, что мой внук не позволяет себе таких глупостей. Но Адам заявил, что, когда он выйдет играть, меня не должно быть среди зрителей: он очень нервничает от присутствия родных. Поэтому, когда его вызвали на площадку, я быстро удалился с трибуны болельщиков а потом также быстро подкрался назад к корту с другой стороны, спрятавшись за большой оказавшейся страшно ключей пальмой и стал следить за игрой. Чтобы внук меня не заметил, я отбросил свою широкополую шляпу на траву и старался держать голову очень близко к стволу дерева.

Адам играл сдержанно, выигрывал без эмоций, проигрывал достойно. Зато я при каждой его ошибке ойкал, ёрзал, дёргался, неожиданно для себя странно пищал и хрюкал, неистово бил пальму руками, ногами и головой.

Встречу выиграл Адам. Я обошёл корт снаружи и гордо вышел его поздравить. Он посмотрел на меня с испугом. Я — тоже. Руки мои были в крови, новенькие ботинки расцарапаны насквозь, я чувствовал жжение на лбу, обоих щеках и затылке. Мы поспешили к водопроводу промыть мои раны. Но туда невозможно было подступиться: бабушка проигравшего мальчика отливала водой потерявшего сознание дедушку...

2
Турнир по настольному теннису среди мальчиков до четырнадцати лет подходил к концу. Матчи транслировали по местному телевидению в программе «Наши надежды». В перерывах между встречами счастливые раскрасневшиеся победители пили воду из пластиковых бутылок и, тяжело дыша, давали интервью.

— К столу номер три для финала из пяти партий приглашаются Эндрю Мор и Эйтан Бернс, — объявил громкоговоритель.

Оба мальчика вышли уже «разогретые» от своих последних боёв и игра началась после очень короткой разминки. Оба художавших соперника были одного роста и в похожих теннисках, но, как будто специально для различия, один из них был покрыт шапкой огненно-красных волос, а другой имел чёрно-угольную выщущуюся шевелюру. Черноволосый сравнительно легко выиграл подряд одну за другой две партии. Ему при счёте 2:0 для победы оставалось набрать только одно очко, победить в следующей игре. Зрители, потеряв интерес, расходились. Но, как частенько бывает в поединке, в третьей игре кучерявый расслабился настолько, что потерпел поражение. Счёт 2:1. Ветер удачи резко подул в противоположную сторону. Рыжий выиграл и четвёртый сет. 2:2. Казалось уже ничто не остановит его победного шествия...

В коротком перерыве перед последним сражением соперники, каждый на своей стороне, пили воду: рыжий — большими уверенными глотками, курчавый — расстерянно-задумчиво, словно недоумевал, зачем ему эта вода.

И тут все заметили, как к перегородке со стороны брюнета приблизилась невысокая женщина. Она простёрла к нему обе руки и выкрикнула фразу, которую никто в шуме не разобрал...

На этот раз черноволосый, проигравший подряд две последних игры, буквально сокрушил противника...

У выхода к нему подошёл корреспондент, поздравил с победой и спросил:

— Эйтан, а кто эта женщина, что подошла к тебе при счёте 2:2.

— Это моя мама.

— И что же она сказала тебе, протянув руки?

— Она сказала: «Если ты сейчас опять проиграешь, я задушу тебя вот этими руками!»

Татьяна Бонч-Осмоловская

Родилась в Симферополе. Закончила МФТИ и французский университетский колледж. Кандидат филологических наук, автор учебного курса комбинаторной литературы (гуманитарный факультет МФТИ). Публиковала прозу, стихи, визуальную поэзию, статьи, переводы французской литературы. Организатор австралийского фестиваля русской литературы «Антиподы» и основатель одноимённой ассоциации.

Наталья Крофтс

Родилась в Херсоне (Украина), окончила МГУ имени Ломоносова (Россия) и Оксфордский университет (Англия). Стихи, рассказы и переводы публиковались в русскоязычной периодике и коллективных сборниках (в журналах «Юность», «День и ночь», «Дети Ра», «Слово/Word», «Австралийская мозаика», в «Литературной газете» и др.). Стихи на английском опубликованы в четырёх британских поэтических антологиях. Лауреат ряда литературных конкурсов, в том числе — «Согласование времён», «Золотое перо Руси», «Цветавская осень», «Музыка слова», «Музыка перевода-II», турнира «Пушкин в Британии».

Второй ковчег

По паре — каждой твари. А мою, мою-то пару — да к другому Ною погнали на ковчег. И я здесь ною, визжу, да вою, да крылами быю... Ведь как же так?!

Смотрите — всех по паре, милуются вокруг другие твари, а я гляжу — нелепо, как в кошмаре — на пристани, у пирса, на краю стоит она. Одна. И пароход штурмует разномастнейший народ — вокруг толпятся звери, птицы, люди. ...Мы верили, что выживем, что будем бродить в лугах, не знающих косы, гулять у моря, что родится сын... Но вот, меня — сюда, её — туда. Потоп. Спасайтесь, звери, —

кто как может. Вода. Кругом вода. И сушу гложет с ума сошедший ливень. Мы — орда, бегущая, дрожащая и злая. Я ничего не слышу из-за лая, мычанья, рёва, ора, стопа, воя... Я вижу обезумевшего Ноя — он рвёт швартовки: прочь, скорее прочь! Второй ковчег заглатывает ночь, и выживем ли, встретимся когда-то? Я ей кричу — но жуткие раскаты чудовищного грома глушат звук. Она не слышит. Я её зову — не слышит. Я зову — она не слышит! А воды поднимаются всё выше... Надежды голос тонок. Слишком тонок. И волны почерневшие со стоном накрыли и Олимп, и Геликон...

На палубе, свернувшись, как котёнок, дрожит дракон. Потерянный дракон.

С острова под Южным Крестом

Как дух безумного провидца, ты затеряешься в словах. И так недолго заблудиться на островах, на островах.

Вокруг — сияющие лица, как на парадах-торжествах. И просто грех на жребий злиться на островах, на островах.

Но сколь веревочке не виться, ты — под Крестом. И дело — швах. Курорт, а тынет застрелиться на островах, на островах,

где я — израненная птица на тех же — ветреных — правах... Перо. И чистая страница. На островах, на островах.

Любовь в эпоху интернета

За грош продашь и явь, и хладнокровье. Зачем тебе их скучный мир, поэт? Назад, назад, туда — в средневековье, где «дама сердца» — эфемерный свет.

И светится экран — и «страсти пылки»... А, может, и не страсти. Все равно. Меня — щелчком, как джина из бутылки — за много верст, за много миль, за мно... —

ты вызываешь... и путем астральным — не затеряться б! — на луче лечу... меж миром виртуальным и реальным — стихов и снов — и выдуманных чувств.

Tasha: * * *

Лис: * * *

Tasha: ✱ ✱ ✱

Лис: * * *

Вместе:

Вланес

* * *

* * *

Яков Маргулис

* * *

* * *

«Увы, всё было...»

Семён Климовицкий

* * *

Сонет 15

И не дала вздохнуть с тех пор ни разу.

Геннадий Казакевич

Авраам

**Вокруг пасутся сонмища овец.
Кому приплода их недоставало?
Ты что затеял, выскочка, глупец?!**

**Вот горлица, вот овен, вот телец,
Вот праведников хор поёт осанну...
Твой дар нужнее, думаешь, глупец?**

**Смотри! Что ни властитель, то - подлец -
В строй под ружьё юнцов отряды ставит,
Не думая, кто — жертва, кто — отец.**

Что от ножа, что на кресте конец —
Адамову отродью дела мало.
Не важно вам, кто — жертва, кто — отец.
Всё это зря. Ступай с горы, глупец.

Когда умру...

Когда умру, мою любовь, свернув,
В чулане спрячут в дальний

нижний ящик,
И будет там она лежать как мячик,
За шкафом потерявшийся в углу.
Но вот однажды дом перетряхнут,
И мой потомок —

умный добрый мальчик —
Найдёт случайно старый

Увидит в нем не тлеющий лоскут
И спросит: “Мама, разве
В таком ходили взрослые и дети?”

В духе Ницше

Погляди на стадо, пасущееся возле тебя...
Фридрих Ницше

Вот стадо на лугу. А вот трава, подросшая, чтоб стать скотине кормом. Скотина счастлива. Забыто, что вчера всё также было. Хорошо — сегодня!

А вот пастух. Перед скотиной он гордится тем, что выше интеллектом, способностями думать наделён и помнить жизни прошлые моменты.

Но завистью пылает он в душе
к счастливому беспамятству скотины,
пасущейся на матушке-земле,
не думая о бытия причине,

**не ведая пресыщенности, боли
и неизбежности последней доли.**

В каждой семье есть странные родственники: тети, дяди, двоюродные и троюродные сестры, братья, племянники. Они любят пропадать надолго, а потом появляются на пороге, прислав новогоднюю открытку, пригласив на свадьбу детей или внуков после пятилетнего молчания. В семье о них рассказывают множество историй, в которые поверить невозможно, но, зная их, невозможно и не поверить.

Такой странной «тетей» была Рита, дочка бабушкиного двоюродного брата. Настоящее имя ее было Ривекка (именно так было написано в ее паспорте!). Рита была единственной дочкой очень богатых родителей. Долгожданная и поздняя дочка ни в чем не знала отказа. Перед самой войной повезла Риту мама в Ленинград, хотела навестить сестру и показать девочке белые ночи. А через неделю началась война...

Семья сестры сумела эвакуироваться, а Риту, заболевшую корью, в вагон не пустили. Так остались они с мамой в большой пустой тетиной квартире переживать блокаду. Как жили они - рассказ отдельный. У них обеих выпали волосы. Рита потеряла все зубы, ногти слезли, а глаза почти перестали видеть. В самом конце блокады маму похоронили, и Рита осталась одна. Жить уже было полечче: через Ладогу время от времени прорывались машины с продуктами, открылись столовые, сначала для детей, а потом и для всех. Рита навсегда запомнила свой первый обед в столовой: суп с перловой крупой она ела как до войны, клубничное мороженое - облизывая каждую ложку. Папа приехал за ней через неделю после снятия блокады. Он смотрел на Риту и не верил своим глазам. Отводил взгляд и вновь возвращался к ней, дочке, любимой, долгожданной, обещавшей вырасти настоящей красавицей. Папа плакал, а Рита думала, что он по маме так убивается. На следующий день они уехали домой в Москву.

Волосы у Риты так и не выросли. А вот зубные протезы ей сделал самый лучший техник. Папа шепотом сказал ей, что он, будто бы, делал протезы самому Сталину. И очки ей подобрали в той самой Кремлевской больнице. Первый парик привез Рите из Германии папин знакомый. Парик был белокурым, волосы длинные, закручены в локоны как у Мэри Пикфорд. Рита смогла расстаться с косынками и впервые посмотрела на себя в зеркало с надеждой. В ту победную весну ей исполнилось шестнадцать лет. Она бегала с подружками смотреть салют и потихоньку присматривалась к молодым парням в военной форме. Парни тоже замечали ее: волосы золотые, зубки ровные, бровки тоненькие как нарисованные... Рита пыталась догнать своих бывших одноклассников, но три года в школу она не ходила, а училась и до того не блестяще, так и не пошла она в школу. Папа записал ее в вечернюю, сказал мол, ходи-не-ходи, а свидетельство за семь классов тебе выдадут.

Когда исполнилось восемнадцать, Рита подучилась немного и пошла работать в кассу поездов дальнего следования на Казанском вокзале. Не все ли равно где работать - мужа надо искать - вот что главное. Рита добросовестно искала себе мужа целых два года: ходила на все вечеринки, танцы, встречи и проводы. Она искала мужа в театрах, в ресторанах и в очереди к своему кассовому окошечку. Но муж не находился. Как еще выяснилось, детей у Риты быть не могло. Ну, кто же ее возьмет замуж с таким дефектом! И тогда за дело взялся Абрам, Ритин папа.

Рассуждал Абрам трезво: по любви Риту не возьмет никто - значит должен мужчина жениться по другой причине. Ребенка она родить не может - значит нужно искать мужа с таким же дефектом. Но чтобы был мужчина с головой! И чтобы...

Борис выписался из госпиталя уже демобилизованным. Стоял он на ступеньках главного здания и рассматривал бумажку с номером телефона, что на прощание дал ему главврач. «Позвони ему, - сказал главврач, - он тебе поможет на хорошую работу устроиться. Постарайся понять, в чем твой интерес. Сложится - не сложится, а работу такую ты сам не найдешь». Борис ехал на трамвае домой от Сокольников и все старался понять: зачем он кому-то нужен, да еще большому начальнику. Сам покалеченный,

Рита и Борюсик

три раза раненный, последнее ранение в живот, все богатство - что на себе. Комната, правда, в бараке от родителей осталась. Отец на фронте погиб, мать умерла в сорок четвертом. Родных, что в Белоруссии жили, всех немцы уничтожили. Что ему, «большому начальнику», проку от солдата? Однако через два дня позвонил Абраму Ефимовичу.

Встретились, поговорили о работе, о жизни. Слово за слово и пригласил Абрам Ефимович Бориса к себе домой поужинать. Дома познакомил с Ритой. Ужинали, шутили, смеялись. Борис к Рите присматривался - серьезная девушка, в очках, симпатичная, блондинка, платье красивое, дорогое видно. Квартира в три комнаты с ванной, да в самом центре, мебель красивая, ковры на стенах, книги, вазы. Вспомнил Борис про «интерес». «Неужели, - подумал он, - неужели Абрам Ефимович мне Риту будет сватать?»

На работу Борис вышел на следующий же день. Вошел он в курс дела быстро, работа нравилась, деньги зарабатывал хорошие. Через месяц он отдал шить костюм. Шил не в пошивочной мастерской, а, по совету Абрама, у старенького еврея-портного, удивившего Бориса тем, что шил он, сидя прямо на столе перед окном. Но костюм пошел отличный. За месяц Борис кое-что разузнал про Риту. Рассказали ему шофера и про блокаду, и что здоровьем она слабая, и про то, что Абрам ей мужа ищет.

Борис набрался храбрости, надел новый костюм и позвонил: «Рита, а что Вы сегодня вечером делаете?» - спросил он.

«То же, что и вчера, - сказала Рита, - жду Вашего звонка. Папа мне сказал, что Вы будете мой муж, вот я и жду, когда же Вы насмелитесь мне позвонить. Пойдемте в ЦПКО погуляем!»

Рита тараторила в молчащую трубку, а Борис стоял в будке телефона-автомата и думал, что за него уже давно все решили и обратного хода, кажется, уже нет.

«Так как мне одеваться? - спросила Рита. - Для парка или еще для чего? А то просто приходите к нам ужинать. Папы сегодня не будет, он в командировке, а я Вас накормлю.»

Борис пришел к Рите поужинать. Такой вкусной еды он никогда не ел!

Потом они гуляли в парке. У входа в парк девочка продавала сирень. Борис купил «веник» и, смутившись, неловко протянул Рите. А она вдруг расплакалась, прижавшись к его пахнущему новизной пиджаку.

«А еще в Ленинграде думала как мне когда -нибудь цветы подарить, только не сирень, - призналась Рита. - У тети во дворе куст был сиреневый, так мы с мамой цветы ели. Но Вы ж не знали и...» - она опять всхлинула. Борис утешать не умел, Рита все хлопала носом, а он гладил ее по спине как маленькую. Гуляли они долго.

Назавтра Рита позвала его с собой на рынок. «Поможете все донести, - сказала она, - теперь мне нужно больше продуктов, я буду кормить двух мужчин!» Борис немного смутился от Ритиной манеры говорить без церемоний. «Как ребенок! - подумал он, - И смешно и жалко, а обидеть и вовсе невозможно!». На рынок он пошел и обедать осталась. И водил Риту в кино, в театр, на концерты, провожал ее с работы домой, ухаживал, в общем, по полной программе.

«А что, - думал Борис, - девушка красивая, квартира отдельная, папаша богатый. А что ума небольшого, так это может и хорошо.»

Месяца через два после первой встречи с Ритой зашел Борис после работы к Абраму Ефимовичу в кабинет поговорить.

«Мне, Абрам Ефимович, ваша Рита нравится, - промямлил он, - я бы хотел на ней жениться, ну и ...»

Через два дня Рита с Борисом записались в ЗАГС, а вечером, приглашенный на дом раввин, раскачиваясь, читал что-то на древнем, только ему понятном языке, превращая этим чтением Риту в самого близкого ему, Борису, человека. Было много гостей, Абрам нанял двух женщин готовить еду. За столом по-современному кричали «горько» и Борис впервые поцеловал Риту в губы. В разгар веселья Абрам вкатил в комнату новый сверкающий мотоцикл - подарок

жениху. Борис просто глазам своим не поверил, вскочил со стола, стал трогать руль, оглаживать колеса, отойти не мог от блестящей игрушки. Гости смеялись, шутили, расходясь по домам, желали «сладкой ночи». Ушли, перемыв всю посуду, нанятые Абрамом женщины. Попробовались с молодыми и сестра Абрама тетя Бася с мужем, тем самым главврачом из госпиталя. С ними уехал и Абрам. И остались Борис с Ритой одни во всей квартире начинать новую жизнь.

Рита стелила постель, спрашивала из спальни: «Ты любишь у стенки спать или с краю?», а Борис не знал что ответить. До войны он спал на раскладушке-дачке, половина которой в тесной барачной комнате оказывалась под столом, так что на нее нужно было не ложиться, а вползая ногами вперед. Голова же была вплотную к двери, и выйти из комнаты, не разбудив Бориса, было невозможно. На фронте где только не приходилось спать, и вспоминал он свою раскладушку как самую удобную в мире. После выписки из госпиталя спал Борис на родительской кровати один и рад был этому подавленному матрасу до смерти.

«Хочешь, я тебе ванну сделаю?» - спрашивала Рита. «Ванну?» Борис мылся в ванне только один раз в жизни, когда в Пруссии разместили их в особняке какого-то генерала. Они тогда нагрели воды, налили полную ванну и всем взводом мылись по очереди, подливая горячую воду. «Борис, - Рита подошла к нему вплотную, - если ты боишься, что у тебя не получится, то я спросила дядю Гришу, он сказал, что ты полностью готов жениться. Так и сказал: «Проблем с этим не будет!». А если ты меня боишься, - продолжала Рита в своей манере говорить напрямик то, что думает, - то я тебе сейчас кое-что покажу, и ты перестанешь бояться.»

«Смотри! - Рита осторожно, чтобы не испортить прическу, стянула с головы парик. - Это раз! - она аккуратно посадила парик на высокую вазу для цветов. - Теперь смотри! - она выплонула вставные челюсти в фарфоровую вазочку. - Это два! А это три! - она сняла очки. - Идем в постель!»

Историю «нашей с Риточкой первой ночи» дядя Борюсик рассказывал каждый свой приезд. Тетя Рита при этом всегда дополняла его очень важной подробностью: «Он меня целует-целует и все ему чего-то не хватает, все еще колеблется. Потом вдруг встал, пошел в прихожую и приволок в спальню свой мотоцикл. Поставил его возле кровати, лег, обнял меня, и я сразу поняла - теперь все есть!»

Тетя Риточка и дядя Борюсик, как они друг друга называли, работали в вагонесторане, жили дружно, много ездили. Отпуска всегда проводили вместе. Когда приходило время ложиться спать, Борис ласково говорил: «Риточка, пора делать «раз-два-три» и в постель!»

Рита до старости любила парики с золотыми локонами под Мэри Пикфорд. Когда ей потребовался новый парик, она записалась на прием к директору ГУМА и, зайдя в кабинет, сняла парик, одним видом своим убедив бедного директора, что: «Вы же понимаете, что мне парик нужен не для моды, а для жизни!»

Вид без парика, кстати, у нее был действительно впечатляющий. Однажды, в Одессу на турбазу, где мы отдыхали, нагрянули Риточка с Борюсиком. Как всегда с полными сумками еды и со смешными историями о своих поездках. Под вечер решили мы сфотографироваться на обрыве над морем. Только выстроились для снимка, как налетевший порыв ветра сорвал с тети Риты белокурый парик и шлепнул его в море. Парик, что интересно, не потонул, а болтался в метрах двадцати от берега. Картина была неповторимая: взрослые заливались хохотом, дети просто катались по траве от смеха, а мой двоюродный братик от страха намолил штаны. Дядя Борюсик нахлобучил Риточку свою войлочную шляпу и побежал к ближайшему домику, на веранде которого танцевала молодежь. Буквально через минуту парни рысью бежали к морю. Парик ловили и принесли дяде Борюсику, который выдал парням обещанную двадцатипятирублевую бумажку.

Ирина (Ляля) Нисина

Родилась на Украине в городе Винница. Закончила Казанский Институт Культуры и Винницкий Педагогический институт. В 1994 году переехала на постоянное жительство в Австралию, живёт на Голд Кост в штате Квинсленд. Главы из повести и отдельные рассказы опубликованы в многочисленных журналах и сборниках («Нива», «Новый журнал», «Стороны света», «Чайка», «Австралийская мозаика» и др.).

«Риточка, завяжи голову шарфом, - советовал Борис, - мы его в гостинице вымоем с шампунем, а то волосы блеск потеряют!»

Сколько историй рассказывалось и пересказывалось в нашей семье о приключениях Риточки! Например, как она, увлеченная модой, заказала золотые коронки на свои прекрасные зубные протезы. И как Борис пригласил техника домой поздно вечером, когда Риточка уже спала, чтобы тот эти коронки поменял. Утром Рита разбудила Бориса криком: «Меня обокрали!»

Или, например, история о жемчужном ожерелье. На сорокалетие Риточки Борис купил ей жемчужные бусы. Крупные белоснежные жемчужины, конечно же, должны были красоваться на черном панбархате! Рита тут же заказала черное панбархатное платье, а в ожидании платья решила прикинуть, как будут смотреться жемчуга. Бусы в несколько рядов Риточка нацепила на черного кота. Любовалась она Барсиком недолго. Кот выскочил в окно и вернулся только к вечеру, конечно, уже без жемчуга. Рита долго не говорила Борису о пропаже, боялась, что тот убьет Барсика.

А вот еще история о том как, заказывая новые туфли, Рита всегда относил сапожнику две бутылки водки, свято веря в то, что водкой он «отмачивает кожу, чтобы стала мягкой». Туфель две - значит две бутылки. Как-то Борис рассказывал, что Рита захотела поехать с ним на охоту (а он был страстный охотник). Рита полгода готовилась, покупала себе специальную одежду, обувь, вязала шарф. Перед самым отъездом, глядя, как Борис чистит ружье, она вдруг спросила: «А ты что там стрелять будешь? Тогда я не поеду, я боюсь стрельбы!»

«Наша Рита без царя в голове...» - вздыхала бабушка.

Мы, дети, любили Ритины неожиданные приезды, ее яркие кричащие наряды, бусы и шарфы, ее манеру заявлять: «Так, дети завтра в школу не идут. К ним тетя приехала, они поведут ее на экскурсию в местный универмаг!» Тетя Рита была очень счастливым человеком и счастьем своим готова была одарить каждого. Попадая время от времени в закрытую секцию ГУМА, Риточка по дешевке скупала все подряд. Вечером они с Борисом долго обсуждали, кому что подойдет. Обсудив, заворачивали в бумагу и обязательно подписывали. Стоило Риточке пропасть на полгода - из Москвы приходила посылка. Каждый свой приезд Риточка с Борюсиком волокли к нам на второй этаж неподъемную сумку с подарками. «Прихожу к директору ГУМА, - хвасталась Рита, - и протягиваю руку к парикю. С понтом - «шас сниму»! А он вопит: «Не надо! Я вас знаю!», и тут же мне выписывает пропуск!» Мы хохотали до упаду.

«Ну не дурак-ли? Как будто парики каждые полгода покупают!» - торжествовала Риточка.

Рита и Борис умерли в один год. Борис, прощаясь с Ритой, надел ей любимые жемчужные бусы, которые купил через год после пропажи первых. Он успел заказать памятник для двоих и дал мастерам денег, чтобы вписали его имя. А до установки памятника не дожил...